

CENTRE FOR EUROPEAN REFORM

ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ?

Как Россия и Китай воспринимают друг друга

Дмитрий Тренин

ЦЕНТР ЕВРОПЕЙСКИХ РЕФОРМ

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Дмитрий Тренин

Верные друзья? Как Россия и Китай воспринимают друг друга

Москва 2012

УДК 327.8
ББК 66.4
Т66

Перевод с английского Максима Коробочкина.

Dmitri Trenin. True Partners? How Russia and China See Each Other.

Электронная версия: <http://www.carnegie.ru/publications>.

В книге отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Т66 **Тренин, Д.**
Верные друзья? Как Россия и Китай воспринимают друг друга / Дмитрий Тренин ; Центр европейских реформ ; Моск. Центр Карнеги. — М., 2012. — 74 с.

ISBN 978-5-905046-09-4

В докладе сравниваются представления Москвы и Пекина о национальной безопасности и разъясняется, каким образом они определяют политику России и Китая в отношении друг друга. Отношения между двумя странами в начале нового столетия кардинально изменились. Сегодня «китайский фактор» существенно влияет на курс России в целом ряде сфер внутренней и внешней политики. В докладе показано, что, хотя Россия не занимает центрального места во внешней политике Китая и никак не влияет на его внутреннюю политику, хорошие отношения с Москвой представляют собой важный элемент общей стратегии Пекина.

УДК 327.8
ББК 66.4

ISBN 978-5-905046-09-4

© Centre for European Reform, 2012

© Перевод на русский язык, Carnegie Endowment for International Peace, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	5
Благодарность	6
Введение	7
1. Стратегическая «вселенная» Москвы	11
2. Мир китайской внешней политики	27
3. Россия, Китай и «система управления миром»	39
4. Экономические связи	49
Заключение	61
Summary	67
О Центре европейских реформ	69
О Фонде Карнеги	70

CONTENTS

About the author	5
Acknowledgements	6
Introduction	7
1. Moscow's strategic universe	11
2. China's foreign policy world	27
3. Russia, China and global governance	39
4. Economic ties	49
Conclusion	61
Summary (In English)	67
About the Centre for European Reform	69
About the Carnegie Endowment	70

Об авторе

ДМИТРИЙ ВИТАЛЬЕВИЧ ТРЕНИН — директор и председатель научного совета Московского Центра Карнеги, председатель программы «Внешняя политика и безопасность». Автор нескольких книг, опубликованных в России, США, Германии и Австрии.

Благодарность

Выражаю искреннюю признательность Институту «Открытое общество» и лично доктору Леонарду Бернардо, а также Центру европейских реформ за поддержку данного проекта и моих исследований по этой чрезвычайно важной теме. Хотел бы также поблагодарить директора Центра мировой политики Карнеги-Цинхуа в Пекине Пола Хэнли и его сотрудников за весьма ценные советы и организацию очень насыщенной программы в ходе моей поездки в Китай. Из многих китайских ученых, с которыми я имел удовольствие обсуждать темы, рассматриваемые в докладе, хотел бы отдельно поблагодарить профессора Чжао Хуашэна из Университета Фудань в Шанхае — моего старого и надежного друга, ознакомившегося с черновым вариантом доклада и высказавшего чрезвычайно полезные замечания и предложения по тексту. Отдельная благодарность сотрудникам Московского Центра Карнеги — заместителю директора по связям с общественностью Наталии Бубновой и менеджеру по маркетингу Веронике Лавриковой за подготовку к изданию русской версии доклада.

Введение

В данном докладе сравниваются представления Москвы и Пекина о национальной безопасности и разъясняется, каким образом они определяют политику России и Китая в отношении друг друга. Отношения между двумя странами, сложившиеся в конце XIX и в XX в., в начале нового столетия кардинально изменились. Сегодня «китайский фактор» существенно влияет на курс России в целом ряде сфер внутренней и внешней политики. Кроме того, в докладе показано, что, хотя Россия не занимает центрального места во внешней политике Китая и никак не влияет на его внутреннюю политику, хорошие отношения с Москвой представляют собой важный элемент, подкрепляющий общую стратегию Пекина, призванную вернуть КНР «принадлежащее ей по праву место в мире». Вывод заключается в следующем: хотя обе страны нуждаются друг в друге и стабильное политическое партнерство, а также тесные экономические связи выгодны каждой из них, ни у Москвы, ни у Пекина нет долгосрочной стратегии по формированию таких отношений.

Как это часто происходит между великими державами, положение Китая и России в конце XX в. изменилось самым радикальным образом. Впервые в истории Москва оказалась в ситуации, когда Пекин превосходит ее по мощи и динамичности развития. Для сегодняшней России отношения с Китаем открывают ряд благоприятных возможностей и в экономической, и в политической сферах: эта страна может служить рынком сбыта для ее сырья, локомотивом экономического развития российского Дальнего Востока, важным незападным партнером на мировой арене. В то же

время с Китаем для нее связан и ряд серьезных вызовов, особенно в том, что касается Сибири, — вызовов, на которые ей еще предстоит найти ответы. Пока что Москве удастся поддерживать в отношениях с Пекином приемлемый *modus vivendi*, но как ситуация будет развиваться в будущем — через 10—15 лет, не столь ясно. Россия сможет выработать долгосрочную концепцию отношений с Китаем только тогда, когда у ее элит появится подлинная стратегия развития страны и ее роли в мире.

Для китайской стороны, напротив, превращение России из сверхдержавы советских времен в нынешнюю державу второго, а то и третьего эшелона стало лишь одним из серии масштабных изменений, сопровождающих формирование новой международной системы. По совокупному ВВП Китай обогнал Японию и стал второй по величине экономикой мира. С точки зрения внешней торговли он, потеснив Германию, занял первое место в мире по объему экспорта. Передача Великобританией Гонконга Китаю в 1997 г. и возвращение Португалией Макао двумя годами позже символизировали завершение длившейся 150 лет унизительный оккупации западными странами части китайской территории. В 2011 г., в ходе кризиса еврозоны, КНР даже называли возможным финансовым спасителем Европейского союза. Что же касается России, то Пекин научился использовать бывшего наставника, потом врага, а затем партнера как источник поставок сырья, особенно энергоносителей. Он также может полагаться на Россию в качестве стратегической подпорки, усиливающей его позиции в ходе противостояния «либеральному интервенционизму» Запада. Однако за исключением перечисленного у китайцев, похоже, также отсутствует стратегия развития отношений с Россией.

Доклад начинается с параллельного описания «стратегических вселенных» Москвы и Пекина — их концепций безопасности, и того места, которое занимает каждая из стран в этих представлениях другой. В том, что касается России, следует подчеркнуть: взлет Китая сделал восприятие Москвой окружающего мира куда

менее «западоцентричным». В том же, что касается Китая, показано, каким образом и по каким причинам отношения с Россией выделяются среди связей КНР с другими крупными державами и какую ценность они имеют для Пекина.

Далее в докладе оцениваются основные интересы каждой из стран в важнейших сферах: вопросах мироустройства, региональных проблемах, торговле и инвестициях (с особым акцентом на энергетику), а также в области поставок вооружений и их стратегических последствий. Несмотря на усиливающееся неравенство в отношениях между двумя странами, автор стремится не только оценить соотношение сил, но и проанализировать интересы и мотивы каждой из сторон. Завершается работа размышлениями о будущем российско-китайских отношений — в двустороннем, региональном и глобальном контексте.

1. Стратегическая «вселенная» Москвы

За двадцать лет, прошедших с момента распада СССР, Российская Федерация, реагируя на изменения в собственных возможностях и международной обстановке, радикально пересмотрела свои цели и политический курс. Канули в Лету военная конфронтация в Европе и Северо-Восточной Азии, идеологизированность внешней политики Москвы и сверхдержавные притязания Кремля. Конечно, нельзя утверждать, будто Россия полностью избавилась от привычки к имперскому мышлению, но ее подходы и действия носят явно постимперский характер¹. Впервые за пять столетий Россия не стремится к внешним захватам. В этом контексте Москва не рассматривает взлет Китая как угрозу или даже серьезный вызов.

¹ Тренин Д. Post-Imperium: евразийская история / Моск. Центр Карнеги. — М.: РОССПЭН, 2012.

Перестав быть империей и сверхдержавой, Москва сумела утвердиться в глобализованном мире в качестве важного игрока второго эшелона. Лидеры России по-прежнему считают свою страну великой державой, но смысл этого понятия изменился. Они меньше делают акцент на контроль над другими странами, сосредоточиваясь на том, чтобы самим не оказаться в подчинении у какого-либо гегемона, и прежде всего у двух ведущих держав XXI в. — Соединенных Штатов Америки и Китайской Народной Республики.

Когда к середине 1990-х годов связанные с окончанием «холодной войны» надежды на альянс с Соединенными Штатами и интеграцию в состав Евросоюза рухнули, российское руководство стало рассматривать Китай в качестве естественного союзника в деле создания противовеса Вашингтону. В то же время либерально настро-

енные российские политики часто пытаются произвести впечатление на западную общественность, утверждая: если правительства США и европейских стран не будут должным образом учитывать интересы России (например, в вопросе о расширении НАТО), она может повернуться лицом к Китаю, и тогда баланс сил на мировой арене изменится не в пользу Америки. Однако подобные демарши, как правило, оставляют западных адресатов равнодушными и не дают результатов, на которые надеялись эти россияне.

В середине 2000-х годов, когда Москва открыто стремилась обуздать влияние США, российские «ястребы» выступали за

² ШОС в сущности представляет собой площадку для координации политики в сфере экономики и безопасности. Ее полномасштабными членами являются шесть государств: Китай, Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан.

военно-политический союз с Китаем и превращение Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в геополитический противовес НАТО². Считалось, что Китай сможет сыграть незаменимую роль в любом серьезном противодействии Соединенным Штатам. Даже лидеры России порой высказывались в том же духе. Заявление Владимира Путина на саммите ШОС в Душан-

бе о том, что на долю стран — участниц организации приходится 40% населения планеты (при том что соответствующий показатель самой России составляет лишь 2%), напомнило знаменитую хвастливую поговорку, которую некогда так любили сербы: «Нас и русских 200 миллионов».

Когда в конце первого десятилетия нового века руководство России осознало насущную необходимость преодоления усиливающейся отсталости и неуклонного ослабления роли страны на мировой арене, Москва начала проводить более искусную и нюансированную политику под рубрикой «модернизации». Она стремится к сближению со странами Запада за счет заключения с ними там, где есть такая возможность, «модернизационных альянсов». Китай играет в этих расчетах ограниченную роль: Кремль лишь задним числом включил его в растущий список «партнеров по модернизации».

Китайцы, несомненно, хорошо осознают связь между необходимостью модернизации страны и нормализацией отношений с Западом. «Оттепель» в китайско-американских отношениях в начале 1970-х годов, еще при Мао Цзэду, стала необходимой предпосылкой политики Дэн Сяопина по реформированию и либерализации экономики³. Более того, открывая Китай для Запада, Дэн Сяопин заключил с Соединенными Штатами «квазиальянс» против СССР. В то время советские публицисты часто называли КНР неофициальным членом НАТО.

³ *Zhang Baijia*. National Objectives versus Strategic Choices // *Contemporary Intern. Relations*. — 2010. — Vol. 20. — № 6. — Nov.—Dec.

Сегодня, однако, китайские авторы относятся к аналогичным усилиям России довольно скептически. Они расценивают стремление Москвы модернизировать экономику при помощи Запада как «простой самообман»⁴. За этим, возможно, кроется озабоченность китайской стороны тем, что, проводя модернизацию с активным привлечением западных ноу-хау и технологий, Москва может сблизить свой курс с внешней политикой Вашингтона, что нанесло бы ущерб интересам КНР.

⁴ *Ji Zhiye*. Strategic Prospects for Russia from the Perspective of Its Modernization Strategy // *Contemporary Intern. Relations*. — 2010. — Vol. 20. — № 5. — Sept.—Oct.

При всех успехах Китая россияне не считают его особенно привлекательной страной в плане модернизации и инноваций. В то же время они по-прежнему ценят его как политического партнера и «уравнивающую» силу на мировой арене, чей вес и значение быстро увеличиваются. Это ведет к возникновению новой ситуации, в рамках которой по ряду вопросов — от голосования в Совете Безопасности ООН по санкциям против Ирана, переговоров относительно северокорейской ядерной программы и сотрудничества с США и НАТО в области противоракетной обороны до энергетических и климатических проблем — Москве приходится искусно балансировать между Вашингтоном и Пекином.

Впервые за несколько столетий соседи России как на западе (НАТО), так и на востоке (Китай) явно превосходят ее по военной мощи (без учета стратегических ядерных сил). Однако вместо попыток догнать или даже превзойти их по обычным вооружениям Москва старается поддерживать равновесие за счет угрозы ядерного удара возмездия вплоть до возможности применения ядерного

оружия первой (в случае нападения противника, обладающего подавляющим превосходством в силах). Эта позиция в общем носит умеренный характер, и российские стратеги считают масштабную войну маловероятной. Через двадцать лет после оконча-

⁵ Достаточно сравнить российские военные доктрины образца 1993, 2000 и 2010 гг. и внешнеполитические концепции 1993, 2000 и 2008 гг.

чания «холодной войны» новые проблемы в сфере безопасности и изменившийся характер военных действий начали всерьез менять стратегическую концепцию России, традиционно отличавшуюся консерватизмом ⁵.

Да, российские военные по-прежнему считают Соединенные Штаты основным потенциальным противником. Америка — единственная держава, способная одолеть Россию военными средствами. Однако в сфере безопасности Москва сталкивается с серьезной стратегической дилеммой: сравняться с США ей не по силам, а пристраиваться в кильватер Вашингтона она не желает — иными словами, победить Америку она не может, а присоединяться к ней не хочет. Это ставит российское руководство в трудное положение. Ни одна из двух моделей, в свое время опробованных Москвой, — прямого «уравновешивания» (в годы «холодной войны») и совместной гегемонии (сразу после ее окончания) — сегодня не работает. Например, Россия готова сотрудничать с Соединенными Штатами в создании системы ПРО в Европе на равных основаниях, но добиться этого не может. Однако если желаемое «равное партнерство» не будет достигнуто, альтернативой Москва считает гонку вооружений, которую она вряд ли может себе позволить.

Сотрудничество по ПРО могло бы стать одним из способов избежать такого исхода. Оно позволило бы России установить подлинно стратегическое партнерство с Западом. Именно эта возможность, а не озабоченность в связи с ядерной и ракетной программами Ирана, побуждает настроенные на сотрудничество с Западом круги в Москве к попыткам создать совместную систему ПРО с НАТО. Они ожидают, что такое взаимодействие положит конец антагонистическим отношениям с Западом и откроет возможность для формирования единого сообщества безопасности на евроатлантическом пространстве, в результате чего Россия сможет не опасаться «окружения» и, соответственно, избежать чрезмерных военных расходов. В отличие от сотрудничества по другим направлениям, например, в борьбе с терроризмом или по Афганистану, вопрос о ПРО носит своего рода центральный, «стратегический» характер, что хорошо сочетается с подходом к сотрудничеству «сверху», которому отдает предпочтение российская сторона⁶.

⁶ См.: *Тренин Д.* ЕвроПРО как смена стратегической игры // Россия в глобальной политике. — 2011. — Июль—авг.

Справедливо и обратное. Если такое взаимодействие не будет реализовано и США продолжат создание глобальной системы ПРО без участия и сотрудничества Москвы, российское руководство сочтет своей обязанностью отстоять столь важную для него стратегическую независимость страны за счет увеличения ее ядерного арсенала. Антагонистический характер отношений между Россией и США повлияет на весь общемировой геостратегический баланс — в этом случае с негативными последствиями для обеих сторон. Так или иначе, решения, которые будут приниматься в этом вопросе, окажут существенное воздействие на отношения России с Китаем.

Хотя примерно половина вооруженных сил России (до 30 бригад) по-прежнему находится в составе Объединенного стратегического командования «Запад», лицом к лицу с НАТО, преобладание «западной угрозы» в ее военно-стратегических расчетах

уходит в прошлое. Теперь, когда расширение НАТО на восток приостановлено на неопределенный срок, Москва по сути готова рассматривать участников Альянса не как противников, хотя она по-прежнему категорически возражает против его дальнейшего расширения в восточном направлении и настаивает, что этот блок не должен размещать в Европе системы вооружений, способные ослабить действенность российского стратегического потенциала сдерживания. После войны с Грузией в 2008 г. Россия предприняла целенаправленные усилия, чтобы добиться исторического примирения с Польшей и улучшить отношения еще с несколькими странами Центральной Европы. Кроме того, заключив в 2010 г. соглашение о морской границе с Норвегией, Москва стремилась развеять опасения относительно того, что она будет разрешать споры в Арктике методами, выходящими за рамки переговоров и использования международных правовых механизмов.

В обозримом будущем наиболее насущные озабоченности России в сфере безопасности будут по-прежнему связаны с регионами к югу от ее границ — и даже в их пределах, например, с Северным Кавказом. Со времен вторжения в Афганистан в 1979 г. мусульмане-моджахеды были главным противником российских солдат на поле боя, а джихадисты несут ответственность за подавляющее большинство терактов против мирного населения России. Чеченские войны 1994 и 2000 гг. на годы определили концепции постсоветской

России в сфере безопасности⁷. Стабильность в Центральной Азии стала одним из ключевых геополитических факторов, влияющих на безопасность Российской Федерации, и одной из главных целей ее политики по созданию альянсов. Одним словом, в обозримом будущем центральное место в стратегическом мышлении России будет занимать Юг.

⁷ *Trenin D., Malashenko A. with Lieven A. Russia's Restless Frontier: The Chechnya Factor in Post-Soviet Russia / Carnegie Endowment for Intern. Peace. — Washington: Brookings Inst. Press, 2004.*

Место Китая в российских концепциях безопасности

Сегодня, впервые за два с половиной столетия, восточный сосед России — Китай — по ряду параметров стал сильнее, чем она. Смена ролей двух стран по драматизму и скорости имеет немного аналогов в истории. В 1979 г., когда Дэн Сяопин начал свои реформы, ВВП КНР по оценкам составлял порядка 40% соответствующего показателя РСФСР. К 1990 г. по объему экономики обе стороны сравнялись.

Затем всего за десять лет Китай вырвался далеко вперед, а ВВП России в 1990-х годах сократился. Эта тенденция сохраняется и сегодня: по данным Всемирного банка, в 2010 г. по объему валового внутреннего продукта КНР превосходила Россию в четыре раза. И если Российская Федерация вступила во Всемирную торговую организацию (ВТО) лишь в конце 2011 г., то Китай находится в ее составе уже более десяти лет. Сегодня, глядя на восток, россияне видят уже не аграрную страну, а мощную промышленную державу; на другом берегу пограничных рек Амура и Уссури, где еще несколько десятков лет назад не было ничего, кроме нищих деревушек, выросли сверкающие пышной роскошью города. У россиян возникает впечатление, что они оказались лицом к лицу с великаном.

Стороны поменялись ролями не только в экономике. Если постсоветское кремлевское руководство почти двадцать лет держало армию в черном теле, начав серьезную военную реформу лишь в 2008 г., то обитатели пекинского правительственного квартала Чжуннаньхай последовательно проводили модернизацию вооруженных сил, а в 2000-х годах ускорили ее темпы. Сегодня по размеру военного бюджета Китай занимает второе место в мире, а Россия — только пятое. Хотя российский ядерный арсенал по-прежнему намного превосходит китайский, в области обычных вооружений соотношение сил между двумя странами меняется в пользу КНР. Не менее красноречив и другой факт: хотя по уровню технического развития Китай не сравнялся с Амери-

кой, Европой и Японией, во многих сферах науки и образования он уже обогнал Россию.

Таким образом, глядя сегодня на Китай, россияне видят экономического гиганта с огромными финансовыми ресурсами (по объему золотовалютных резервов КНР занимает первое место в мире, а Россия с большим отставанием идет третьей), новообретенным научно-техническим потенциалом и все более эффективными вооруженными силами. Кроме того, они видят государство,

которое может использовать военную мощь для утверждения своих притязаний. Если в XX в. Россия считала себя мировой державой, превосходящей Китай по старшинству, то в новом столетии Пекин приобретает больший вес, чем Москва, в целом ряде вопросов — от международных финансов до Афганистана и климатических

⁸ См., например, долгосрочный прогноз, составленный Институтом мировой экономики и международных отношений РАН: Стратегический глобальный прогноз 2030. — М.: Магистр, 2011.

изменений⁸. По иронии судьбы в утверждениях Пекина, что ни одна серьезная проблема мирового масштаба не может быть решена без его участия, россиянам слышатся знакомые нотки: в свое время то же самое цари говорили Европе, а затем советское руководство — всему миру.

В ответ на эти масштабные изменения Россия предприняла усилия по улучшению отношений и созданию тесного партнерства со своим большим соседом. В конце советской эпохи Михаил Горбачев помирился с Пекином, завершив дорогостоящую «холодную войну» между двумя коммунистическими державами, продолжавшуюся с начала 1960-х годов. В начале и середине 1990-х Борис Ельцин, стремясь стабилизировать ситуацию на дальневосточном фланге России и чем-то уравновесить отношения с США и Европой, предложил Китаю создать «стратегическое партнерство». В первом десятилетии нового века при Владимире Путине, когда Запад перестал быть для России притягательным магнитом, отношения между двумя странами еще больше укрепились. Кремлевские лидеры счи-

тали, что дружба с соседом, чье влияние и мощь увеличивается, отвечает национальным интересам страны.

Одним из факторов здесь было благоразумие. Каждый из перечисленных лидеров рассматривал в качестве приоритетной задачи урегулирование пограничных споров с Китаем. Первый договор о границе с КНР Россия подписала в мае 1991 г. при Горбачеве, второй — в 1996 г. при Ельцине, а окончательное соглашение — в 2004 г. при Путине. Последний считал решение вопроса о границе между двумя странами протяженностью более 4 тыс. км своим самым важным внешнеполитическим достижением на посту президента: он даже уступил Китаю небольшой участок российской территории вдоль Амура и Уссури, чтобы добиться договоренности до того, как соотношение сил еще больше изменится в пользу Пекина. В стратегических расчетах Москвы потенциальная враждебность Китая всегда воспринималась как кошмарная перспектива: в 1960—1970-х годах, находясь в зените могущества, СССР израсходовал огромные суммы на превращение границы с КНР в мощный укрепленный рубеж. Сейчас, когда Китай во многих отношениях стал сильнее России, возврат к антагонистическим отношениям обернулся бы для России финансовой (и не только) катастрофой.

Учитывая темпы возвышения Китая и его новообретенную военную мощь, Москва чувствует себя на удивление комфортно при нынешнем состоянии отношений с восточным соседом. Взлет КНР не вызывает у российской стороны паники. Это обусловлено несколькими причинами. Во-первых, в центре внимания Москвы — к добру или к худу — остаются в первую очередь Соединенные Штаты. В противоположность Вашингтону Пекин не дает России особых поводов для недовольства: он не торжествовал, когда распался СССР, и не пытался учить Москву, как ей следует действовать во внутренней и внешней политике. Вторая причина связана с холодным стратегическим расчетом. По мнению российской стороны, геополитические амбиции Пекина в обозримом будущем

будут по-прежнему направлены на восток и юг, а не на север или даже запад. Третья причина основана на скептическом отношении россиян к перспективам развития Китая. Москва отлично осознает, что сегодня КНР сталкивается с серьезными трудностями, которые еще очень долго будут приковывать внимание Пекина. Что же касается простых россиян, то им политическая система Китая представляется непрозрачной, а долгосрочная стратегия его руководства — неясной. Большинство из них не имеют четкого мнения о соседней стране, хотя многие относятся к ней с подозрением.

В отличие от США сегодняшняя Россия не является блюстителем мирового порядка. Международное устройство, возникшее после окончания «холодной войны», характеризуется преобладающей ролью Соединенных Штатов, к которой российское руководство относится негативно. В отличие от европейцев россияне не сожалеют о завершении пятисотлетней гегемонии Запада на мировой арене. С точки зрения Кремля возвышение Китая ослабляет преобладание Америки, что должно придать международной системе более сбалансированный характер. Иными словами, превращение КНР в главного соперника США усиливает многополярные тенденции в этой системе, что, как надеется Москва, даст России передышку и расширит ее пространство для маневра. Более того, когда интересы России и Китая совпадают, у Москвы возникает возможность объединить усилия с влиятельным партнером на мировой арене.

В рамках крайне асимметричного треугольника отношений между Россией, Китаем и США наибольшие опасения у российской стороны вызывает возможность сговора между Пекином и Вашингтоном в ущерб Москве. Россияне с подозрением относятся к идее возникновения американо-китайской «большой двойки». Они боятся также, что США могут попытаться посеять разлад между Россией и Китаем. Впрочем, Москве, пожалуй, стоит больше тревожиться относительно возможности американо-китайской конфронтации, в результате чего Россия оказалась бы между молотом и наковальней.

Главным основанием для беспокойства относительно такой конфронтации служит усиление националистических настроений в Китае. Российские эксперты по Китаю отмечают, что китайские националисты смотрят на мир в духе игры с нулевой суммой, характерной для Европы в начале XX в. Для некоторых кругов в Китае их страна всегда права, а все ее действия законны. Стремление КНР обрести доступ к сырьевым ресурсам и контроль над ними может побудить Пекин к применению военной силы. Российские наблюдатели указывают: радикальные китайские националисты уже воспринимают США как главное препятствие на пути дальнейшего возвышения КНР, призывают вступить с Вашингтоном в конфронтацию и нанести ему поражение. Если в Пекине возобладает именно эта точка зрения и Коммунистическая партия Китая (КПК) будет еще больше склоняться к национализму, страна может оказаться на пути к лобовому столкновению с Соединенными Штатами. Один российский эксперт уподобляет эти радикально националистические устремления все более могущественной державы поведению задиристого подростка⁹.

⁹ Лукин А. Китайская мечта и будущее России // Россия в глобальной политике. — 2010. — Июль.

Хотя пекинское руководство по-прежнему ведет себя намного сдержаннее, во внешней политике оно отошло от знаменитой стратегии Дэн Сяопина из «28 иероглифов», предписывавшей Китаю «не высовываться» на международной арене. Пекин, чьи позиции укрепились в результате мирового кризиса, поразившего Россию и Запад, но в основном не затронувшего Китай, сегодня действует более напористо. Конечно, этот курс далек от радикального национализма, свойственного некоторым китайским авторам, но тем не менее он символизирует конец целой эпохи¹⁰.

¹⁰ См.: Wang Jisi. China's Search for a Grand Strategy // Foreign Affairs. — 2011. — Mar.—Apr.

Пока, однако, отношения между Россией и Китаем в целом сохраняют позитивный характер. Ключевое значение в этой связи

имеет способность высших руководителей обеих стран поддерживать хороший контакт друг с другом. Воззрения первого поколения постсоветских лидеров Российской Федерации, считавших себя демократами и «западниками», а китайский режим — коммунистической диктатурой, уступили место более прагматичному подходу и внешне даже дружеским отношениям на высшем уровне. Сегодняшнее руководство России гордится своим прагматизмом и деловым подходом к отношениям с восточным соседом, четким пониманием потенциальных возможностей и пределов двустороннего сотрудничества. В реальности, однако, обо всем этом куда легче говорить, чем воплощать в жизнь.

Российско-китайские саммиты никогда не отличались товарищеской атмосферой. Лидеры двух стран не проводят встречи «без галстуков» и не называют друг друга просто по имени. Подлинное обсуждение стратегических вопросов на саммитах происходит нечасто. Однако они неизменно проходят по-деловому и ориентированы на практические результаты. Российские лидеры считают, что беспристрастный анализ ситуации в Китае избавляет их как от необузданных иллюзий, так и от необоснованных опасений. Они, конечно, отдают должное успехам Китая, но полагают, что рано или поздно темпы роста там замедлятся. Известно им и о многочисленных внутренних проблемах КНР (в частности, о необходимости борьбы с бедностью), которым Пекин не может не уделять большого внимания. Весьма красноречив, в частности, тот факт, что куратор внешнеполитической сферы в китайском руководстве Дай Бинго является просто членом Госсовета КНР, но не входит в состав Политбюро ЦК КПК, не говоря уже о его могущественном Постоянном комитете.

Российские лидеры наладили регулярный контакт со своими китайскими коллегами, встречаясь с ними по четыре-пять раз в год. Они считают китайских руководителей прагматиками, интересующимися прежде всего экономическими вопросами, и абсолютно деидеологизированными политиками. Хотя последним китайским

лидером, учившимся в СССР и немного говорившим по-русски, был Цзян Цзэминь, занимавший пост генерального секретаря ЦК КПК с 1989 по 2002 гг., при его преемнике Ху Цзиньтао личные отношения между высшими руководителями двух стран не ухудшились. Российская сторона связывает большие надежды и с будущим лидером страны Си Цзиньпином. Китайцы, в свою очередь, терпеть не могли неудачливого реформатора Горбачева и поначалу крайне настороженно относились к «вероотступнику» Ельцину, но в конечном счете наладили хороший контакт с первым демократически избранным президентом России. Они также ценят деидеологизированный, деловой подход Владимира Путина. Немало китайцев восхищаются «мужским» характером и очевидной жесткостью Путина. Некоторые из них хотели бы видеть во главе своей страны сильного лидера «вроде Путина», и большинство китайцев приветствовали решение Пекина присвоить ему Премию мира имени Конфуция в ноябре 2011 г. Нынешнего президента Дмитрия Медведева китайская сторона рассматривает как путинского протеже и младшего партнера в «тандеме» и хотела бы возвращения Путина на официальный пост главы государства после выборов 2012 г. Однако, несмотря на доверие к Путину, китайцы считают, что в культурном плане между ними и россиянами есть мало общего. Россияне придерживаются того же мнения.

Хотя внешняя политика Китая, как уже отмечалось, приобрела более напористый характер, российские лидеры не считают, что эта возросшая энергичность направлена против их страны. В ходе визитов в КНР в 2009, 2010 и 2011 гг. Путин и Медведев стремились еще больше укрепить экономические и политические отношения между двумя странами. Стоит отметить, что поездка Путина в Китай осенью 2011 г. стала его единственным зарубежным визитом за полугодовой цикл парламентских и президентских выборов.

Столь же положительно относится к Китаю и российская общественность. По итогам опроса, проведенного в 2009 г., он занял

четвертое место в списке наиболее дружественных России стран¹¹. Аналогичные и даже еще более позитивные настроения характерны для китайцев: с середины 2000-х годов они либо рассматривают Россию как самое дружественное государство, либо ставят ее на второе место после Северной Кореи.

¹¹ Общественное мнение 2009 (ежегодник) / Левада-центр. — М., 2010, табл. 19.9 и 19.10.

В военном плане Россия по отношению к Китаю проводит ту же политику, что и по отношению к США: Москва стремится гарантировать себя от возможного нападения угрозой ядерного удара возмездия. Но если в случае США эта политика сдерживания декларируется открыто, то в случае Китая она лишь косвенно подразумевается во избежание потенциальных трений. Впрочем, российская сторона уверена, что китайцы, работающие не покладая рук ради обеспечения экономического роста, ценят свое благосостояние не меньше, чем россияне, а это значит, что угрозы ядерного удара будет достаточно, дабы удержать Китай от нападения на Россию.

Сегодня, когда постимперская Россия больше, чем когда-либо, устремлена в себя, ее правительство заботит будущее Сибири и Дальнего Востока. Когда россияне говорят «Китай», на деле они имеют в виду восточные регионы России: Приморье, Забайкалье, Восточную Сибирь. События в Пекине, Шанхае или Тайваньском проливе важны прежде всего возможным воздействием на главные города российского Востока, например, Владивосток и Хабаровск. Когда Москва договаривалась об урегулировании пограничных вопросов с Китаем, принимала решение проложить трубопровод к тихоокеанскому побережью или провести в 2012 г. саммит АТЭС во Владивостоке, ее главной целью было стимулировать развитие своих дальневосточных регионов.

Кое-кто в России считает, что ее нынешнее руководство проводит чересчур мягкую политику по отношению к Китаю. Некоторые политологи обвиняют Кремль в том, что он «продает страну» Пекину¹². Это обвинение несправедливо, но руководство страны

осознает возможность превращения России в «вассала» КНР. За утверждениями о мире и гармонии, лежащими в основе возвышения Китая, оно видит динамично развивающуюся великую державу. В то же время оно ценит тот факт, что исторические претензии Китая адресуются Западу. Москва также успокаивает себя тем, что царская Россия никогда не числилась среди держав, угнетавших Китай, и считает, что политика СССР по отношению к этой стране также носила по сути благожелательный характер, а потому у Пекина нет причин затаить обиду.

¹² *Пионтковский А.* Остров Сибирь // *Пионтковский А.* Третий путь к рабству. — [Б. м.], 2011.

Несмотря на авторитаризм правящих режимов, не всё в России и Китае решается высшим руководством. Две гигантские бюрократические машины, управляющие этими странами, в культурном плане по-прежнему живут в разных мирах. Зачастую сигналы сверху, служащие мотивацией для укрепления сотрудничества, с трудом доходят до оперативного звена. В официальном китайско-российском диалоге вежливость — это норма, а вот откровенность — явление крайне редкое. Официальная Москва и официальный Пекин надеются на гармоничное сосуществование России и Китая. Таким образом, несмотря на очевидную и усиливающуюся асимметрию, отношения между двумя странами, уже достаточно прочные, продолжают укрепляться, притом что одновременно происходит их переустройство с учетом новообретенного великодержавного статуса Китая.

2. Мир китайской внешней политики

Пекин без колебаний позитивно откликнулся на предпринимаемые Россией в последние десятилетия попытки создать партнерство с Китаем и урегулировать нерешенные пограничные вопросы. В целом его стратегия состоит в установлении дружеских отношений с соседними странами. В результате заключения договора о границе с Россией в 2004 г. Китай не только получил кое-какие территориальные приобретения, но и покончил с несправедливой ситуацией, навязанной Советским Союзом еще в 1930-х годах, в рамках которой граница проходила вдоль китайского берега реки, а не посередине ее фарватера. Впрочем, соглашение поддерживали не все: многие китайцы считают договоры 1858 и 1860 гг., по которым Россия получила 1,5 млн кв. км территории в нынешнем Забайкалье и Приморье, неравноправными — относящимися к той же категории, что и соглашение с Британией об аренде Гонконга, срок которого истек в 1997 г.

Однако китайское руководство, не оспаривая утверждений о неравноправности этих документов XIX в. и даже позволяя публиковать книги и карты, где это открыто указывается, в частном порядке дает понять, что новое соглашение с Москвой представляет собой сделку по принципу «земли в обмен на мир». Добрососедские отношения с Россией позволяют Пекину не беспокоиться о военной угрозе с севера, а также помогают ему в том, что связано, как выражаются китайцы, с «американским фактором».

Этими причинами отчасти объясняется сравнительно конструктивная позиция Китая в отношении постсоветской России. СССР распался в самый неблагоприятный для Пекина момент:

Китай вынужден был играть более видную геополитическую роль на мировой арене еще до того, как он к этому подготовился. Кроме того, после насильственного подавления манифестаций оппозиции на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., столь резко контрастировавшего с крушением коммунистических режимов в Восточной Европе и СССР, КНР оказалась в международной изоляции.

Тем не менее в отношениях с Россией, особенно в бурные 1990-е годы, Пекин вел себя весьма тактично. Хотя Китай, несомненно, вздохнул с облегчением, когда «угроза с севера» сошла на нет, он не стал публично праздновать победу в тридцатилетней «холодной войне» с СССР. Подобная сдержанность Пекина, естественно, была обусловлена его собственными интересами. Он опасался нестабильности в огромной соседней стране, воспринимал внезапное крушение КПСС как угрозу коммунистическому правлению в самом Китае, испытывал неуверенность в отношении новых независимых государств Центральной Азии, примыкающих к его населенному мусульманами Синьцзян-Уйгурскому автономному району, и был озабочен резким изменением соотношения сил на мировой арене в пользу Соединенных Штатов.

Китайская сторона, осознавая, что Москва чувствует себя уязвимой, приняла разумное решение — относиться к Российской Федерации с должным уважением, которое подобает оказывать великой державе. Китайцы старались ничем не унижить страну, переживающую мучительный период постимперской адаптации. Впрочем, им было трудно отнести Россию к какой-либо категории: она не принадлежала ни к первому, ни к третьему миру, ни к Азии, ни в полной мере к Западу. Ельцин считался прозападно настроенным политиком, Путин — прозападным в годы первого президентского срока и «провосточным» в период второго, Медведев — опять же «западником». По словам одного китайского ученого, его соотечественники считают Россию «вспыльчивой» страной и постоянно гадают, когда же она потеряет самообладание и явит миру свое более жесткое обличие. Одна из причин, по которым Пекин старается

не раздражать Москву, заключается в нежелании провоцировать ее на более агрессивный подход к самому Китаю.

Первоначальное ошеломление китайцев темпами и направленностью перемен в постсоветской России в конечном счете сменилось пренебрежением. Хотя открыто об этом почти никогда не говорится, в КНР ее считают страной, переживающей упадок как по относительным, так и по абсолютным меркам. Тем не менее Пекин осознавал, что даже ослабленная Россия постарается сохранить стратегическую независимость и время от времени будет без колебаний противостоять Соединенным Штатам, что было бесполезно для Китая.

Китайские эксперты по России подчеркивают: Москва — единственная из зарубежных столиц, с которой Пекин создал подлинное стратегическое партнерство. Этот факт, однако, говорит скорее не о высокой оценке России, а о страхе китайцев перед США. Хотя китайская экономика полностью взаимосвязана с американской, между этими двумя странами возникло стратегическое соперничество, способное перерасти в конфронтацию, которая может дестабилизировать всю международную обстановку. Сегодня двусторонние китайско-американские отношения носят прагматический характер, и разногласия между Пекином и Вашингтоном представляются преодолимыми, по крайней мере в принципе. Но при иных обстоятельствах и при ином руководстве в обеих странах соперничество может возобладать над сотрудничеством.

У китайской стороны по сути нет единой позиции в отношении Соединенных Штатов, что влияет и на ее подходы к России. Преобладающая концепция заключается в том, что КНР следует сосредоточиться на собственном развитии, а активную внешнюю политику отложить до будущих времен. Ее сторонники считают, что Китаю надо взаимодействовать с США, а не бросать преждевременно вызов американскому мировому лидерству или присутствию в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Эта группа осознает, что Вашингтон, учитывая происходящие в мире изменения исторического масштаба,

ставит Азию на одно из первых мест в своих внешнеполитических приоритетах, но она выступает за взаимопонимание и диалог с американцами, что позволит совместными усилиями урегулировать разногласия. По мнению этой группы, неспособность удерживать соперничество в рамках и умерять его сотрудничеством дорого обойдется как Китаю, так и Соединенным Штатам.

Эту точку зрения оспаривают определенные элементы в КПК, руководстве вооруженных сил и спецслужб, а также в научных кругах, вдохновляемые экономическими успехами Китая и сравнительным ослаблением Запада. Для них характерна и менее позитивная оценка намерений США в отношении КНР. Они считают, что Вашингтон давит на Китай, стремясь не дать ему «поднять голову», сдерживать его влияние, окружить его в геополитическом плане за счет системы альянсов с соседями Китая. Эти выводы подкрепляются недавними политическими заявлениями американской стороны, например, в статье государственного секретаря Хиллари Клинтон, опубликованной в журнале «Foreign Policy» в октябре 2011 г., символическими акциями вроде решения разместить американских морских пехотинцев на севере Австралии и дипломатической кампанией Вашингтона в поддержку «свободы мореплавания» в Южно-Китайском море, которую Пекин рассматривает как акт вмешательства в свой давний территориальный спор с рядом стран Юго-Восточной Азии.

Если говорить о соседних странах, то роль «главного злодея» Пекин по причинам исторического свойства отводит Японии. В XIX—XX столетиях Токио пытался поработить Китай. И китайцы до сих пор сердиты на Японию за ее отказ полностью признать свою вину за эту агрессию, отразив это в публичных символических акциях и школьных учебниках. Хотя недавно Китай сменил Японию в роли первой державы Азии, Пекин с болью осознает, какая пропасть разделяет две страны по уровню технологий и жизни. Он также понимает, что растущая военная мощь КНР на море, в воздухе и особенно в океане вызывает у японцев не только страх перед

соседней страной (впервые за несколько столетий), но и большую, чем когда-либо, решимость сдержать эту угрозу. Прежде всего Токио все больше укрепляет альянс с США в сфере безопасности; если же этого окажется недостаточно, Япония может создать собственное ядерное оружие — а такого исхода китайская сторона стремится избежать любой ценой.

В будущем соперником Китая станет другая «восходящая» держава Азии — Индия. Китайцы Индии не боятся, но Индия боится Китая. Со времен пограничного военного конфликта 1962 г. в Гималаях отношения между Пекином и Дели улучшились, но, несмотря на бурно развивающуюся двустороннюю торговлю, они в обозримом будущем останутся небезоблачными. Фактический альянс Китая с Пакистаном — главным врагом Индии и ее соперником в качестве второй ядерной державы Южной Азии — продолжает укрепляться. В то же время союз Пакистана с Соединенными Штатами слабеет, а индийско-американские связи активно развиваются. С учетом приближения сроков вывода американских войск из Афганистана китайско-индийское соперничество в Южной и Центральной Азии скорее всего усилится.

Отношения Китая со странами Юго-Восточной Азии отличаются, как и в случаях Японии и США, тесными экономическими связями и неразрешенными стратегическими разногласиями. Из государств этого региона только Индонезия в принципе может составить конкуренцию китайскому влиянию. Однако и у многих других стран Юго-Восточной Азии имеются территориальные споры с Пекином — из-за Парасельских островов и островов Спратли, а также эксклюзивных экономических зон, которые Китай в одностороннем порядке устанавливает вокруг них. Южно-Китайское море, большую часть которого Пекин давно уже провозгласил входящей в состав своих «стратегических границ», превращается в полигон для обкатки будущей внешнеполитической стратегии КНР и лакмусовую бумажку, говорящую о состоянии международных отношений в Азии.

Пекин, конечно, связан официальным альянсом с Северной Кореей, но отношения между двумя странами носят непростой характер. Пхеньянское руководство, получая большие объемы китайской помощи, тем не менее отказывается следовать в кильватере КНР. Приход к власти Ким Чен Ына пока не изменил эту ситуацию. Отношения Китая с Южной Кореей, напротив, отличаются тесными экономическими контактами и потому весьма плодотворны, но осложняются альянсом Сеула с США и присутствием американских войск на южнокорейской территории. Пекин будет стремиться не допустить объединения Кореи в условиях, когда на другом берегу пограничной реки Ялу будут находиться американские солдаты. Наконец, государства Центральной Азии и Монголия в целом дружелюбно относятся к КНР, но одновременно и слегка побаиваются ее. Парадоксально, но факт: все перечисленные соседние страны — включая Индию и Южную Корею — Пекин официально числит среди своих «стратегических партнеров».

Роль Москвы в китайской политике безопасности

Один высокопоставленный индийский чиновник в разговоре с отставным американским дипломатом заметил: в Азии все бояться усиления Китая — кроме России. Он задал вопрос: в чем причина — неужели русские слепы, глупы или слишком «помешаны» на Соединенных Штатах? Американец, который рассказал эту историю автору в апреле 2011 г., тогда не нашелся, что ответить. Однако американский ученый Стивен Бланк недавно пришел к однозначному выводу: Россия фактически капитулировала перед Китаем и больше не играет роли независимого фактора в геополитических процессах Азиатского региона¹³. Некоторые российские критики курса Москвы в отношении

¹³ *Blank S. J. Russia's Prospects in Asia / Strategic Studies Inst.* — [S.l.], Dec. 2010.

Китая с этим, несомненно, согласятся, но на деле такой вывод является по меньшей мере преждевременным ¹⁴.

¹⁴ См., например: *Пионтковский А.* Указ. соч.

Россия по-прежнему важна для Китая и не относится к категории «зависимых государств». Она играет определенную роль в отношениях Пекина со всеми перечисленными выше странами. Если бы Москва сблизилась с США настолько, что превратилась бы в «младшего партнера» Вашингтона, это привело бы к резкому ухудшению общего стратегического положения Пекина. Россия перестала бы играть для Китая роль надежного тыла, что вызвало бы в Пекине страх перед «стратегическим окружением» со стороны США. Поэтому-то присоединение России к натовской программе «Партнерство во имя мира» в 1994 г. вызвало беспокойство у китайской стороны. И по сей день периодические заявления российских лидеров относительно укрепления сотрудничества с НАТО нервируют Пекин. Полномасштабное членство России в НАТО — за это выступают многие российские либералы, например, Игорь Юргенс, принадлежащий к ближайшему окружению президента Медведева, — стало бы кошмаром для китайского руководства. К счастью для него, китайские эксперты и официальные круги считают, что разногласия Москвы и Вашингтона достаточно серьезны, чтобы исключить любой альянс между ними.

В то же время Китаю не нужна и конфронтация между Россией и США, способная спровоцировать напряженность на Кавказе и в Центральной Азии, а также поставить Пекин перед трудным геополитическим выбором. В частности, китайская сторона была озадачена сделанными в 2010 и 2011 гг. заявлениями Путина и Медведева о том, что, если Вашингтон создаст систему ПРО в Европе без участия Москвы, Россия вступит в гонку стратегических вооружений с США. Советники китайского руководства гадали, откуда у Кремля возьмутся ресурсы для подобной конфронтации. Раздражение в Пекине вызвала и разгоревшаяся в 2008 г. война между Россией и Грузией — близкой союзницей Соединенных

Штатов: там сочли, что этот конфликт серьезно дестабилизирует международную обстановку и угрожает интересам Китая. В том, что касается российско-американских отношений, предпочтения Пекина очевидны: ни сближение, ни столкновение между этими странами нежелательны.

Китай ни в коей мере нельзя считать пассивным наблюдателем за развитием российско-американских отношений. В конце 1990-х и начале 2000-х годов Пекин вполне устраивало, что Россия брала на себя инициативу в противостоянии военным акциям США в Косово и Ираке: в частности, Китай воздерживался при голосовании по ключевым резолюциям Совета Безопасности ООН, на которые Россия накладывала вето. Однако во второй половине 2000-х Пекин вышел из тени Москвы и начал голосовать в тандеме с Россией. Таким образом, он занял более активную позицию, не становясь при этом одиноким «инакомыслящим» в Совете Безопасности. В самом Китае те, кто считает, что от США исходит угроза для их страны, выступают за еще большее сближение с Москвой. Эти настроения широко распространены в военных кругах и в северо-восточном регионе КНР, граничащем с Россией.

Отношения Китая с Евросоюзом также отчасти определяются «российским фактором». Китайцы озабочены тем, что потребность в европейских технологиях и инвестициях может подтолкнуть Россию к интеграции с Западом (даже если по замыслу Путина «европейская интеграция», судя по всему, должна охватывать ЕС и возглавляемую Москвой группу постсоветских государств). Все, что может сильнее привязать Россию к Западу, порождает в Пекине опасения оказаться в окружении и расценивается как нежелательное развитие событий. Когда китайцы говорят: «Пусть Россия остается Россией», они исходят из собственных интересов, а не пытаются потрафить российским националистам.

В будущем продолжающееся возвышение Китая и усиление дисбаланса в отношениях Москвы и Пекина могут побудить российское руководство изменить подходы к собственной политике

«балансирования»: в этом случае оно, возможно, превратит свои связи с США и Евросоюзом в один из факторов в отношениях с КНР. И напротив, в зависимости от того, какую игру выберет китайская сторона, Пекин может либо постараться укрепить «евразийские» тенденции в политике России, либо помочь россиянам осознать, что они в конечном счете входят в европейскую «семью» и принадлежат к Западу. Впрочем, политическое шараханье между Западом и Китаем не сослужит России хорошую службу.

Пекин также тщательно следит за политикой России по отношению к Японии. На первый взгляд, на этом направлении Китаю опасаться нечего: две страны воевали друг с другом в 1904—1905 гг. и в конце Второй мировой войны. Их отношения осложняются спором из-за Курильских островов, некоторые из которых вошли в состав России в 1945 г. Китайцы умело используют этот спор, чтобы заручиться расположением Москвы: например, в 2010 г. две страны выступили с совместным заявлением в связи с 65-й годовщиной поражения Японии во Второй мировой войне. КНР приветствует все, что может побудить Токио перенацелить свои вооруженные силы с китайского направления на север — к границе с Россией.

С другой стороны, Пекин должен учитывать рост военного присутствия России на Тихом океане за счет усиления дислоцированной там группировки, в частности передачи Тихоокеанскому флоту строящегося во Франции вертолетоносца типа «Мистраль» или проведения масштабных военных учений, например, маневров «Восток-2010». В потенциале это присутствие может осложнить стратегическую картину в Северо-Восточной Азии. Это особенно верно в свете того, что Москва, несмотря на конфликт с Токио из-за Курильских островов, не рассматривает Японию всерьез как потенциального противника. Более того, поскольку для развития Сибири и Дальнего Востока Россия нуждается в помощи передовой в техническом отношении и располагающей большими капиталами Японии, та становится для нее очевидным кандидатом в стратегические партнеры. Сближение между Росси-

ей и Японией, пусть даже оно будет происходить не в ущерб Пекину, неизбежно ослабит опору Москвы на Китай. А так как Токио не пойдет на подобный вариант без благословения Вашингтона, Пекин вынужден предполагать, что у российско-японского партнерства будет и третий неформальный участник — США. Это лишь усилит страх Китая оказаться в окружении.

Индия с начала 1970-х годов находилась с Россией в почти союзнических отношениях, но после окончания «холодной войны» они утратили антикитайскую направленность (как и антиамериканскую). В конце 2000-х годов Пекин приветствовал инициативу Москвы по созданию группы РИК — механизма консультаций между Россией, Индией и Китаем. Проект не продвинулся дальше периодических саммитов и встреч на уровне министров, но если он приобретет более прочную основу, это будет выгодно Москве — пока ее отношения с Пекином и Дели будут лучше, чем между самими этими двумя столицами.

В Юго-Восточной Азии Москва поставляет оружие ряду стран (например, Вьетнаму, Малайзии и Индонезии), настороженно относящихся к взлету Китая и оспаривающих его притязания на большую часть Южно-Китайского моря. Россия остается и игроком на северокорейской арене — она была одной из немногих стран, которые посещал недавно скончавшийся Ким Чен Ир. Активно развиваются также экономические и политические отношения Москвы с Сеулом. Впрочем, с точки зрения Китая важнее то, что Россия сохраняет значительное влияние в постсоветской Центральной Азии и вновь проявляет интерес к бывшей союзнице СССР Монголии, которая стремится найти противовес растущему китайскому влиянию. Хотя Пекин не нуждается в разрешении Москвы для получения доступа к энергоресурсам Центральной Азии, его экономическая экспансия в этом регионе будет более масштабной и беспроблемной, если она не встретит противодействия России.

Наконец, помимо системы отношений с третьими странами Россия имеет для Китая уникальное значение из-за ее стратегиче-

ского положения — Пекин находится в часе полета от российской границы — и в качестве поставщика не только энергоносителей, но и ценных военных, ядерных и космических технологий. Наличие у двух стран протяженной общей границы дает Пекину беспрепятственный доступ к сырьевым ресурсам, который не может затруднить никакая третья сторона. Крайне важно и то, что Китай больше не рассматривает Россию как соперника и не нуждается в ней в качестве покровителя. Таким образом, не стоит удивляться, что китайские официальные круги и эксперты расценивают Россию как «подлинного стратегического партнера», тем самым отделяя ее от других стран, которые считаются одновременно партнерами и конкурентами.

Китайцы не питают иллюзий в отношении сегодняшней России. Воспоминания о масштабной помощи, предоставлявшейся Советским Союзом в 1950-х годах, давно изгладились в их памяти. Восхищение, которое кое-кто в Китае испытывал в связи с относительно высоким уровнем жизни и развития технологий в СССР 60—70-х годов XX в., также проходит. Постсоветская Россия в глазах многих китайцев выглядит откровенно непривлекательной: они считают ее дезорганизованной, отсталой и нецивилизованной страной. Китайцы гордятся тем, что не забывают ничего — ни хорошего, ни плохого. В этом отношении репутация России, по их мнению, более или менее позитивна. Однако причин завидовать России китайцы не видят — разве что ее сырьевым богатствам.

3. Россия, Китай и «система управления миром»

В предыдущих разделах были рассмотрены представления России и Китая о собственном положении в сфере безопасности и о роли каждой из стран в соответствующих концепциях другой. Но какова их позиция по вопросам мирового масштаба и их предпочтения в отношении миропорядка — иными словами, какая международная система могла бы их устроить и каковы взгляды Москвы и Пекина на ситуацию в регионах, с которыми обе страны соседствуют?

По мнению России, нынешняя международная система строится на американской гегемонии. Ее руководство тратит немало энергии либо на обуздание влияния США, либо на заключение соглашений с Вашингтоном вроде подписанного в 2010 г. «нового СНВ» — Договора о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений, казалось бы, закрепляющего равный статус Москвы по сравнению с Соединенными Штатами. С конца 1990-х годов Кремль опирается на Китай как на противовес преобладанию США на мировой арене. Москва сначала взяла на вооружение разработанную Пекином концепцию многополярного мира, а затем адаптировала ее для собственных целей — уравновешивания американской гегемонии. Россия и Китай считают, что за счет координации действий на мировом уровне они смогут укрепить свое положение и эффективнее отстаивать свои интересы. Разница, естественно, заключается в том, что китайский «полюс» постоянно увеличивается, а российский уменьшается. В рамках подлинно многополярной системы Россия оказалась бы в не слишком комфортном положении — между двумя более мощными центрами силы.

Как и Пекин, Москва отвергает вмешательство извне в ее внутренние дела, особенно когда речь идет о западной политике распространения демократии. Два авторитарных режима особенно тревожит возможность успешных «цветных революций» в соседних странах при поддержке США. В то же время следует отметить, что со второй половины 1990-х годов Россия — за счет членства в Совете Европы и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе — в большей степени, чем Китай, позволяет Западу влиять на ее внутреннюю политику.

Кроме того (опять же, как и Пекин) Москва давно уже сочетает поддержку принципа государственного суверенитета с защитой территориальной целостности. Россия и Китай поддерживают друг друга соответственно в вопросах о Тайване, Тибете, Синьцзяне и Чечне. В 1990-х годах Пекин никогда не критиковал Москву за чеченскую войну. Москва, в свою очередь, с 1949 г. последовательно и публично поддерживает позицию Пекина по Тайваню и двум другим «проблемным» китайским регионам — эта поддержка оставалась в силе даже во время китайско-советской «холодной войны». Сегодня всякий раз, когда Китай считает, что ему необходима помощь России, его послу в Москве достаточно снять трубку и позвонить в российский МИД. По словам китайских экспертов, формулировки соответствующих заявлений России зачастую даже превосходят ожидания Пекина.

Российские лидеры осознают, насколько их страна важна для Китая в качестве стратегического тыла и сырьевой базы, и сознательно воздерживаются от любых шагов, чреватых превращением Пекина во врага. Более того, Кремль готов идти весьма далеко в стремлении не спровоцировать возмущение КНР по вопросам, не связанным с его ключевыми интересами. Так, недавно Москва запретила далай-ламе посетить населенные буддистами регионы России (Бурятию, Калмыкию и Туву), несмотря на просьбы местных властей разрешить такой визит. Другой пример: в 2010 г. российский посол в Норвегии не присутствовал на церемонии вручения

Нобелевской премии мира китайскому диссиденту Лю Сяобо — хотя официальные СМИ России подробно освещали это событие. И, конечно, Москва не предпримет никаких действий, которые могут быть восприняты Пекином как способствующие «окружению» Китая Соединенными Штатами и их союзниками.

Однако эта взаимная поддержка имеет пределы. Так, после российско-грузинской войны 2008 г. Китай отказался признать независимость Абхазии и Южной Осетии, аргументируя это тем, что подобный шаг был бы равносителен поддержке сепаратистских тенденций, а сепаратизм представляет угрозу для Китая. В то же время в неофициальных беседах в период этих событий Ху Цзиньтао заверил Владимира Путина, что симпатии Китая находятся на стороне России, а не Грузии. Китайский МИД, в свою очередь, в публичном заявлении высоко оценил роль России по «обеспечению стабильности на Южном Кавказе».

Столь же противоречивы и сигналы Пекина в вопросе о российско-японском территориальном споре. В разговорах с российскими официальными лицами китайские дипломаты называют спорные острова «Южными Курилами», как это официально принято в России, но в ходе контактов с Токио они используют их японское название — «северные территории». В неофициальном порядке китайские эксперты объясняют это тем, что позиция самой России в данном споре несколько двусмысленна и оставляет возможность для компромиссного решения, а Пекин не хочет выглядеть большим защитником российских интересов, чем сама Москва¹⁵. На деле же продолжение этого спора, препятствующего российско-японскому сближению, несомненно, отвечает интересам Китая: чем

¹⁵ Парадокс ситуации состоит в том, что территориальный спор между Москвой и Токио возник из-за того, что в 1950 г. СССР не подписал Сан-Францисский мирный договор с Японией, в котором последняя отказалась от притязаний на Курилы, не упоминая, о каких именно островах идет речь, а также о стране, к которой они переходят. Решение Москвы не подписывать это соглашение было принято в знак протеста против того, что на переговорах Китай представляло гоминдановское правительство Тайваня, а не Пекин.

больше разногласий существует у этих соседних стран, тем меньше у Пекина оснований опасаться угрозы с северо-востока.

Москва, в свою очередь, занимает нейтральную позицию в отношении китайско-японского спора из-за островов Сенкаку/Дяо-юйтай в Южно-Китайском море (считается, что в этом районе имеются богатые месторождения ископаемого топлива). По другому столь же острому конфликту в Южно-Китайском море Россия принимает китайскую точку зрения о том, что споры вокруг островов Спратли и Парасельских островов должны быть разрешены исключительно самими заинтересованными сторонами. Она выступает за мирное урегулирование этих споров на основе принципов, согласованных Китаем и другими вовлеченными в них странами в рамках Ассоциации государств Юго-Восточной Азии в 2002 г. и подтвержденных в 2011-м (в неофициальном порядке российские официальные лица неодобрительно отзываются о требованиях Вьетнама относительно «свободы мореплавания» в Южно-Китайском море, поскольку они совпадают с позицией США, а также об открытой опоре Филиппин на дипломатическую и военную поддержку Вашингтона).

Позиция Пекина по Арктике также отличается от точки зрения Москвы. Россия по сути выступает за ее раздел между пятью литоральными странами (кроме нее в их число входят США, Канада, Дания и Норвегия). Китай, не принадлежащей к этой пятерке, считает, что Арктика должна быть открыта для всех стран. Впрочем, несмотря на разногласия, Китай проявляет интерес к возможному коммерческому использованию Северного морского пути, что обеспечивало бы транспортировку китайских товаров вдоль арктического побережья России, существенно сокращая сроки их перевозки. Открытие этого маршрута для международного судоходства выгодно и России, но для этого Москве необходимо либерализовать нормативную базу, из-за которой северное побережье страны остается закрытым для иностранцев. Кремль по-прежнему не готов на это пойти — в основном по соображениям безопасности.

Будучи постоянными членами Совета Безопасности ООН, Россия и Китай сполна используют эту площадку, занимая единую позицию по таким вызывающим острые споры проблемам в сфере безопасности, как Косово, Ирак, Судан, Зимбабве, Ливия и Сирия. Тем самым они стремятся предложить альтернативу точке зрения США и их ближайших союзников, а также продемонстрировать китайско-российскую солидарность. В ходе голосований в Совете Безопасности Россия проявляет куда бóльшую готовность, чем Китай, использовать свое право вето, что вполне устраивает Пекин, поскольку позволяет ему воздерживаться (например, по Ираку) и тем самым противостоять Вашингтону, не рискуя за это чем-то полатиться. Однако когда Россия решает встать на сторону США (например, это в какой-то степени произошло в иранском вопросе в 2010 г.), Китай оказывается перед трудным выбором: либо налагать вето в одиночку, чего он обычно старается избегать, либо не препятствовать принятию резолюции (как он поступил в вопросе о санкциях против Ирана).

Китай и Россия наряду с Бразилией, Индией и ЮАР участвуют в саммитах БРИКС — неформальной группы великих держав с развивающейся рыночной экономикой. Этот формат они используют в основном для того, чтобы высказать «незападную» точку зрения по вопросам международного устройства. Когда 11 марта 2011 г. в Совете Безопасности ООН состоялось голосование по резолюции об установлении бесполетной зоны над Ливией, представители БРИКС — все эти страны в тот момент входили в состав Совета Безопасности — воздержались. С точки зрения пиара наличие группы БРИКС весьма полезно ее членам: она позволяет почти без издержек усиливать свое предполагаемое влияние на мировой арене.

Российская сторона гордится тем, что она входит в состав «большой восьмерки». На деле, однако, членство России в этой группе во многом носит чисто формальный характер. Москве не удалось добиться признания Западом России в качестве одной из демократических стран — а ведь демократия является одной

из характеристик членов этого клуба. Не признают ее и одной из ведущих экономических держав, поэтому встречи министров финансов в рамках этой группы по-прежнему проходят в формате «большой семерки». Таким образом, положение России в «восьмерке» не слишком комфортно — ее не считают ни по-настоящему демократической, ни передовой в экономическом отношении страной, и ее пребывание в составе этого клуба вызывает скорее чувство неловкости.

Китай, напротив, избрал долгосрочную стратегию последовательного продвижения вверх в рамках международной системы, не пытаясь присоединиться к «восьмерке», хотя по экономической мощи он намного превосходит Россию. В «большой двадцатке», куда входят и Китай, и Россия, Пекин действует все активнее (например, в ходе обсуждения проблем регулирования финансовой системы), в то время как вклад Москвы в ее деятельность невелик. Но даже в составе этой группы Китай избегает резких движений: несмотря на острую критику преобладания доллара в мировых финансах, он проявляет крайнюю осторожность в вопросе о превращении юаня в конвертируемую валюту. Российская сторона, неспособная устоять перед соблазном подорвать позиции доллара в мировой экономике, неоднократно — и преждевременно — предлагала рубль в качестве региональной валюты. Китай и Россия договорились осуществлять часть расчетов в рамках двусторонней торговли в своих национальных валютах. Кроме того, обе страны предлагают реформировать систему специальных прав заимствования Международного валютного фонда (МВФ), играющих роль суррогата международной валюты, включив в нее юань и рубль. Однако в международных экономических организациях они не действуют единым фронтом. Так, в ходе выборов директора-распорядителя МВФ в 2011 г. Китай и Россия не выставили общего кандидата.

То, что может показаться «идеологическим конкордатом» или «авторитарным интернационалом» Пекина и Москвы, на деле

представляет собой нечто куда менее масштабное: практическую связку, основанную исключительно на заинтересованности обеих стран в том, чтобы не позволить другим — прежде всего США — подорвать их внутреннее устройство и позиции на мировой арене. Москва и Пекин расценивают поддержку Западом демократии и прав человека как инструмент, используемый их конкурентами и недоброжелателями в Вашингтоне и Брюсселе для ослабления России и Китая. Идеологическая борьба между авторитаризмом и демократией не играет существенной роли в российско-китайских отношениях: лидеры обеих стран предпочитают называть себя прагматиками. Несмотря на существующий в Китае коммунистический режим, дипломатия Пекина зачастую отличается большей прагматичностью, чем действия Москвы, в которых сильнее проявляется стремление насолить Соединенным Штатам.

В экономическом плане все больше россиян воспринимает Китай как пример для подражания. Во время кризиса привлекательность Пекина в качестве модели — с точки зрения активной роли государства в экономике — в глазах некоторых московских технократов только возросла. Прокитайски настроенные элементы в научных и деловых кругах, военно-промышленном комплексе и т. д. мечтают о симбиозе между гигантской китайской «мастерской» и российским интеллектуальным капиталом. Учитывая новообетенную мощь Китая, эти люди воображают Россию в роли его стратегического го тыла, наставника и даже уважаемой старшей сестры ¹⁶.

Однако мечты о новом китайско-российском альянсе не стали реальностью. Весьма красноречив тот факт, что сам Китай не выражает желания создать официальный союз с Россией, рассматривая альянс, существовавший у него с СССР в 1950-х годах (это был единственный случай, не считая Северной Кореи, когда КНР пошла на столь тесное сотрудничество с иностранным государством), как исключение. Кроме того, большинство россиян отлично понимает,

¹⁶ См., например, интервью отставного полковника ГРУ Андрея Девятова радиостанции «Финам FM» 15 мая 2009 г.

что в «новом издании» такого союза первую скрипку будет играть Пекин. А Кремль при всем желании бросить вызов американской гегемонии не желает становиться младшим партнером Китая. Одно дело досажать Вашингтону, и совсем другое — смириться с подчиненным положением в тандеме с Пекином.

Китай и Россия плодотворно взаимодействуют на региональном уровне. Именно по инициативе Пекина в 1996 г. успешный формат переговоров о пограничных вопросах с участием Китая, России и их центральноазиатских соседей был превращен в постоянно действующую структуру — «шанхайскую пятерку», а позднее Шанхайскую организацию сотрудничества. Целью Китая было укрепление безопасности на его западной границе, где новые постсоветские государства с преимущественно мусульманским населением соседствуют с беспокойным Синьцзяном (в прошлом Восточным Туркестаном). Китай хочет заручиться сотрудничеством соседних государств бывшего СССР, чтобы не допустить восстания собственного мусульманского меньшинства; кроме того, Пекин заинтересован в новых рынках сбыта для китайских товаров и поставках энергоносителей из Центральной Азии.

Примечательно, что российская сторона согласилась с идеей создания ШОС, хотя при иных обстоятельствах Кремль мог расценить предложение Китая как вторжение на традиционную «делянку» Москвы. Однако Кремль, должно быть, пришел к выводу, что Китай в любом случае будет развивать отношения с центральноазиатскими странами, а значит, лучше иметь с ним дело в составе

общей организации, чем позволять формировать собственные связи с новыми независимыми государствами без Москвы. Осознавая чувствительность этого вопроса для России, Пекин ведет себя на постсоветском пространстве деликатно, не забывая часто говорить о России как о великой державе и не предлагая новым независимым госу-

¹⁷ Политика Китая в Центральной Азии блестяще проанализирована Чжао Хуашэном в кн.: *Rumer E., Trenin D., Zhao Huasheng. Central Asia: Views from Washington, Moscow and Beijing.* — Armonk; London: M. E. Sharpe, 2006.

дарствам военно-политический альянс — все это резко контрастирует с политикой США и НАТО в отношении западных республик бывшего СССР¹⁷.

К началу второго десятилетия XXI в. Россия впервые начала всерьез предпринимать интеграционные усилия на постсоветском пространстве. В 2009 г. она создала Таможенный союз с Казахстаном и Белоруссией, который в 2012 г. должен быть преобразован в единое экономическое пространство. К 2015 г. Путин намерен создать «евразийский Шенген» — зону свободного передвижения капиталов и рабочей силы на территории трех государств. После этого следующим шагом должен стать валютный союз. Даже если путинский Евразийский союз никогда не станет политическим образованием и в его составе останутся лишь три страны-основательницы, сигнал в адрес Пекина (и Брюсселя) очевиден: Россия не будет пассивно наблюдать за тем, как ее бывшие окраины притягиваются двумя мощнейшими полюсами новой Евразии — ЕС и Китаем. Москва намерена вступить с ними в конкурентную борьбу, пользуясь внутренними затруднениями в объединенной Европе, а также ухудшением отношений Пекина с несколькими соседями и Соединенными Штатами.

С точки зрения Москвы ШОС не является подходящим механизмом региональной интеграции в сфере экономики, обороны и безопасности. Поэтому наряду с Таможенным союзом и единым экономическим пространством с Казахстаном и Белоруссией Россия спонсирует две другие структуры: Евразийское экономическое сообщество, куда кроме этих трех стран входят также Киргизия и Таджикистан, а также Организацию Договора о коллективной безопасности, включающую наряду со всеми перечисленными государствами еще и Узбекистан. Китай, естественно, не является членом этих объединений постсоветских государств.

Тем не менее ШОС приносит Москве определенную пользу: она укрепляет взаимное доверие между постимперской Россией и Китаем в важном регионе, вклинившемся между двумя держа-

вами, а также служит площадкой для широкого политического диалога в континентальной Азии. Кроме того, ШОС является редким примером организации с двумя лидерами — Китаем и Россией, хотя это оборачивается определенными проблемами. Каждая из двух стран стремится задействовать собственные сильные стороны: Китай хочет, чтобы основной сферой деятельности ШОС были экономика и развитие, а Россия делает акцент на вопросах безопасности.

Помимо противодействия терроризму и экстремизму в рамках ШОС периодически проводятся совместные учения (по очереди на территории каждой из стран-участниц), которые преподносятся как подготовка к миротворческим операциям. Естественно, самые большие контингенты на этих маневрах выставляют Россия и Китай. Для России это способ продемонстрировать в деле военную технику и оборудование потенциальным покупателям. Народно-освободительной армии Китая (НОАК) учения в России и Центральной Азии дают возможность потренироваться на новых театрах. Но хотя некоторые российские комментаторы, выдавая желаемое за действительное, называют ШОС «анти-НАТО», эта организация не представляет собой военного альянса и даже не движется в этом направлении.

Россия и Китай не хотят, чтобы их совместное лидерство в ШОС ослаблялось в результате ее расширения. Тем не менее Москва, вероятно, приветствовала бы вступление Индии в состав организации: это улучшило бы ее положение в рамках треугольника РИК. Пекин, однако, считает присоединение этой страны к ШОС «несвоевременным».

4. Экономические связи

Торговля и инвестиции

Хотя общие интересы глобального и регионального масштаба занимают важное место в китайско-российских отношениях, это не единственное, что связывает две страны, ключевую роль играют также торговля и инвестиции. В первые годы после распада СССР Китай стал для России незаменимым поставщиком дешевых продуктов питания и потребительских товаров. Особое значение это имело для регионов Сибири и Дальнего Востока. В дальнейшем доля Китая во внешнеторговом обороте России продолжала расти. В 2010 г. он, обогнав Германию, стал ведущим торговым партнером России. В тот момент двусторонний товарооборот в денежном исчислении составлял 55 млрд долл. (более 8% общего объема российской внешней торговли); для сравнения: аналогичный показатель для торговых связей России и США равнялся 25 млрд долл. Москва и Пекин ставят перед собой задачу к 2015 г. довести этот товарооборот до 100 млрд долл. В прошлом Россия экспортировала в Китай в основном промышленное оборудование, а закупала там по большей части сырье. Теперь стороны поменялись ролями: Россия импортирует китайские промышленные товары, в том числе все больше оборудования и станков, а экспортирует наряду с небольшим количеством высокотехнологичной продукции в основном сырье — энергоносители, металлы и лес.

Для Китая Россия менее важный торговый партнер, чем Китай для России. Среди его клиентов она занимает лишь 14-е место, отставая не только от крупнейших экономических держав (това-

рооборот КНР с США превышает 400 млрд долл.), но также от Австралии, Бразилии, Малайзии и Таиланда. Торговля с Россией представляет собой существенный фактор в первую очередь для северо-восточных регионов Китая, граничащих с Сибирью. Объем китайских инвестиций в России составляет лишь миллиард долларов. Для чиновников китайских экономических, торговых и финансовых ведомств Россия большого значения не имеет.

В 2000-х годах в Москве утвердилась идея использовать рост китайской экономики в качестве локомотива экономического и социального развития российского Дальнего Востока — огромного, но малонаселенного и слабо развитого региона. В 2004 г. правительство КНР пообещало вложить в дальневосточных регионах России 800 млн долл. Однако китайские капиталы поступают в страну медленно. В 2008 г. их приток составил менее 30 млн долл., и хотя в 2009 г. этот объем возрос до 45 млн, он по-прежнему представлял собой лишь 0,5% совокупных прямых иностранных инвестиций на Дальнем Востоке. Китайцы вкладывают капиталы в основном в приграничных регионах — в Приморском крае, на Сахалине, в Амурской области.

В 2009 г. Москва и Пекин согласовали девятилетний план мер по стимулированию сотрудничества приграничных территорий двух стран. В нем обеим сторонам отведены четко оговоренные роли: Россия должна прежде всего поставлять сырье и энергоносители, а Китай — перерабатывать это сырье и обеспечивать Россию промышленными товарами, а также инвестициями. Россияне осознают опасность превращения страны в простой сырьевой придаток соседнего государства, но надеются со временем восстановить равновесие в двусторонних экономических отношениях за счет производства полуфабрикатов на собственной территории. Однако реализация плана идет медленно.

Если Москва стремится привлечь китайские капиталы, то многие критики властей в России опасаются, что нуждающаяся в сырье КНР попросту завладеет ресурсами Сибири¹⁸. Они рассматривают под-

писанное в 2009 г. соглашение о сотрудничестве между восточными регионами России и северо-восточными провинциями Китая как уступку Пекину, опасаясь, что китайской стороне разрешат строить на российской территории предприятия и эксплуатировать их собственными силами, а также заниматься сельским хозяйством. Кроме того, эти люди беспокоятся, что китайцы, если они сумеют продемонстрировать, что способны обустроить Сибирь лучше, чем сами русские, постепенно вытеснят коренное население. В связи с этим встает весьма чувствительный вопрос о китайской иммиграции в Россию.

¹⁸ В том числе видный эколог, член-корреспондент Российской академии наук Алексей Яблоков.

Иммиграция

В 2000-х годах в связи с дефицитом рабочей силы в России возник план пригласить в страну до 500 тыс. китайских работников¹⁹. Пекин дал понять Москве: если она откроет дверь для китайских гастарбайтеров, КНР будет активно поддерживать вступление России во Всемирную торговую организацию. Впрочем, подобный импорт рабочих рук не состоялся, что, пожалуй, позволило Китаю и России избежать серьезного всплеска напряженности в двусторонних отношениях.

¹⁹ Пришельцы с юга // Рус. Newsweek. — 2004. — 25—31 окт.

Одно из главных опасений россиян, связанных с Китаем, — страх перед массовой трансграничной миграцией из соседней страны. Одна популярная телеперсона недавно заявила аудитории: «Даже если каждый день российскую границу будет пересекать миллион китайцев, их приток продлится три с половиной года». Подобные «наглядные примеры», несомненно, производят впечатление, сея страх среди граждан страны, население которой резко сокращается.

Российская Федерация «унаследовала» лишь чуть больше половины населения СССР. Кроме того, с 1991 по 2010 гг. его численность

сократилась со 147 до 142 млн. Ожидается, что к середине столетия население России уменьшится еще больше — до 100—115 млн. Неудивительно, что присутствие по другую сторону границы 1,3 млрд китайцев вызывает у россиян нервозность. Некоторые из них сравнивают эту границу с тонкой мембраной, отделяющей российский Дальний Восток, где проживают 6 млн человек, от 130-миллионного населения трех северо-восточных провинций КНР.

Открытие границы между двумя странами в начале 1990-х годов и прибытие в Россию (в основном по туристическим визам) тысяч китайских «челноков» и гастарбайтеров породили у россиян страх перед «демографической агрессией». Русские националисты утверждали, что миллионы китайцев по указанию Пекина оселят в России, женятся на россиянках, приобретут собственность и в конце концов составят большинство жителей малонаселенных регионов Дальнего Востока и Сибири. В то время даже серьезные ученые-демографы (например, Жанна Зайончковская из Института народнохозяйственного прогнозирования РАН) предсказывали, что со временем китайцы станут второй по величине (после русских) этнической группой в стране.

Эти страхи подпитывает и подозрение, что Китай, нуждающийся в пространстве для размещения своего растущего населения, приглядывается к гигантским территориям по другую сторону границы с Россией. Россияне остро осознают, что зачастую плохо распоряжаются землями, приобретенными страной в прошлом, и что если они не научатся успешно развивать огромные восточные регионы страны, их сможет заполучить более эффективный «менеджер». В 2000 г. Путин публично рассуждал о том, какой язык через 25—50 лет будет преобладать в российском Приамурье. Когда россиянин слышит, как его китайский партнер мимоходом называет озеро Байкал «общим наследием» двух стран, он невольно вздрагивает. В бестселлере Владимира Сорокина «День опричника» описывается воображаемый диалог между лидерами России и Китая в 2027 г.: последний требует от российского коллеги обеспечить права 28-миллионной китайской диаспоры в Западной Сибири.

Некоторые из этих опасений попросту иррациональны. Да, иммигранты из КНР «познакомили» россиян с «триадами» — китайскими организованными преступными группировками, в которые трудно внедрить агентов и раскрыть их деятельность. Некоторые аналитики даже подозревают, что триады использует в своих целях китайская разведка. Но за два десятка лет, прошедших со времен открытия границы, в России обосновалось лишь небольшое число китайцев. Их отпугивает холодный климат, отсутствие возможностей для развития бизнеса и негостеприимное отношение местного населения. Так, в Приморье — регионе с населением в 2 млн человек — проживает лишь 25—27 тыс. китайцев. Очень немногие из них женятся на россиянках, а иммигрантов, купивших землю на российских приграничных территориях, еще меньше.

Сегодня большинство «челноков», торгующих китайскими товарами на Дальнем Востоке, — это местные жители-россияне, работающие на китайцев. Сибирь по природным условиям не более гостеприимна, чем западные регионы самого Китая, где плотность населения в десятки раз ниже, чем в бурно развивающихся приморских регионах страны. Небольшой конфликт с китайскими торговцами в России действительно имел место — это произошло в 2009 г., когда власти закрыли Черкизовский рынок в Москве, где велась торговля контрабандным товаром. Однако в этом случае речь шла по сути о столкновении между конкурирующими российскими кланами, и китайцы просто оказались между молотом и наковальней. Для Пекина наиболее важный аспект экономических отношений с Россией — торговля энергоносителями.

Энергетические связи

Недавно Китай стал кредитором российских государственных энергокомпаний. В 2009 г. China Development Bank предоставил заем в 25 млрд долл. нефтедобывающей компании «Роснефть»

и «Транснефти» — оператору российской системы нефтепроводов. Энергетика — единственная сфера, где Россия является для Китая важным экономическим партнером. Она продает китайской стороне нефть намного дешевле, чем страны Ближнего Востока, и может стать также крупным поставщиком природного газа. С 2011 г. российская нефть поступает в КНР по новому трубопроводу «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО). Его ответвление, пересекающее Амур, имеет пропускную способность 15 млн т в год. Реализация этого проекта, сопровождавшаяся серьезными внутривластными событиями в России и подстегнувшая международную конкуренцию в Восточной Азии, дает наглядное представление о характере стратегий, действующих на российской политической и деловой арене.

«Транснефть» с середины 1990-х годов разрабатывала проект трубопровода, соединяющего сибирские нефтяные месторождения с портом Находка на тихоокеанском побережье вблизи Владивостока. В начале 2000-х принадлежавшая Михаилу Ходорковскому компания ЮКОС предложила конкурирующий проект по прокладке трубопровода до Дацина на северо-востоке Китая. Если государственная корпорация «Транснефть» преследовала политическую цель — не допустить чрезмерной зависимости от единственного покупателя (Китая), то владельцы частной фирмы ЮКОС подсчитали, что при тогдашних ценах на нефть коммерчески целесообразным будет лишь строительство «нитки» до Дацина. На международном уровне проект спровоцировал конкурентную борьбу за российскую нефть между Китаем, стремившимся быть ее единственным потребителем, и Японией.

Однако в 2003 г. Ходорковский попал в немилость к Путину; в результате нефтяной магнат оказался за решеткой, а ЮКОС был демонтирован. Поскольку Пекин поддерживал трубопроводный проект ЮКОСа, ликвидация этой компании вызвала в Китае серьезную озабоченность. Неожиданно для себя китайская сторона оказалась вовлеченной в российскую внутривластную борьбу

за власть и владение энергоресурсами. Соседняя страна начала казаться Пекину ненадежным партнером. Чтобы усилить давление на Москву в пользу строительства трубопровода в Китай, Пекин подписал с Астаной соглашение о сооружении аналогичной «нитки» из Казахстана. Однако российская сторона не рассматривала казахов как серьезных конкурентов и проигнорировала эту завуалированную угрозу. Ее вполне устраивало стимулирование соперничества между Китаем и Японией в надежде добиться более выгодных условий от обеих стран-потребителей. В 2005 г., когда мировые цены на нефть повысились, российское правительство наконец приняло решение: проложить ВСТО до Тихого океана, но построить и ответвление в Китай. Соглашение по этому ответвлению было подписано в 2008 г., когда отношения между Россией и Западом находились в наихудшем состоянии со времен «холодной войны». Однако окончательная договоренность была достигнута лишь в феврале 2009 г., после того как Китай согласился предоставить кредиты «Роснефти» и «Транснефти»²⁰.

Россия также снабжает Китай электроэнергией, причем цена на нее гораздо ниже, чем внутренние тарифы, действующие в стране²¹. Помимо ценовых уступок китайская сторона сумела настоять на гарантированных поставках в течение 20 лет, а также на том, чтобы они осуществлялись напрямую, что способствует укреплению энергетической безопасности КНР.

Для Москвы Китай и Восточная Азия в целом (включая Японию и Южную Корею) представляет собой альтернативный рынок сбыта, ослабляющий зависимость России от европейских импортеров (которые, в свою очередь, ищут способы уменьшить зависимость от российских поставок). По некоторым прогнозам к 2015—2020 гг. российский экспорт в страны Азиатско-Тихоокеанского региона составит 70—85 млрд т нефти и 100—140 млрд кубометров га-

²⁰ Нефтегазовый комплекс России: тенденции развития (2000—2010 годы) / Под ред. В. Гусейнова. — М.: Крас. звезда, 2011.

²¹ Кравченко М. Китайский акцент дальневосточной экономики // Эксперт. — 2011. — № 6. — 14—20 февр.

за ежегодно ²². После разрушительного землетрясения в Японии в 2011 г. российское правительство, стремясь добиться сближения с Токио, предложило японцам долю в нефтяных проектах на тер-

²² Согласно оценке Марии Александровой из Института Дальнего Востока РАН. Цит. по: *Кравченко М.* Указ соч.

ритории Сибири и Дальнего Востока. Еще одно политически мотивированное предложение российской стороны связано с транспортировкой газа в Южную Корею через территорию КНДР.

Российские лидеры также рассматривают энергетические проекты вроде строительства трубопроводов как важный инструмент развития восточных регионов страны. Проблема для России, однако, заключается в том, что для наполнения ВСТО восточносибирской нефти попросту не хватит. Чтобы выполнить все свои обязательства, российской стороне придется перенацелить на восток часть западносибирской нефти, предназначенной для более выгодного экспорта в Европу: если такое решение будет принято и реализовано, оно станет серьезным стратегическим выбором Москвы.

Хотя российское правительство приветствует предоставление китайских кредитов «Роснефти» и «Транснефти», оно полностью исключает возможность любой передачи под контроль Китая углеводородных ресурсов Сибири. Российские регулирующие органы всегда противодействовали попыткам китайских нефтяных корпораций приобрести пакеты акций российских энергокомпаний, полагая, что за этими частными фирмами стоит официальный Пекин.

«Газпром» в отличие от «Роснефти» и вопреки собственным публичным заявлениям никогда не считал Азию серьезным рынком сбыта (исключение составляет проект «Сахалин-2»). Основная причина связана с ценой: предлагаемые китайской стороной расценки недотягивают до уровня, который концерн считает минимально приемлемым. Стратегия «Газпрома» состоит в сохранении своей доли весьма прибыльного европейского рынка при одновременном использовании контактов с китайцами в качестве инстру-

мента давления на европейцев. Кремль, в свою очередь, поддерживает силовые методы «Газпрома» по отношению к европейским потребителям в качестве рычага влияния в собственных политических спорах с правительствами стран Европы.

В 2006 г. Путин объявил о плане строительства газопроводов для транспортировки в Китай до 68 млрд кубометров голубого топлива в год, но проект застопорился, поскольку китайская сторона настаивала на низких закупочных ценах. Тем временем газодобыча на собственных китайских месторождениях существенно возросла; увеличивается и объем импорта газа из других источников — с Ближнего Востока, из Австралии и Юго-Восточной Азии (по морю в сжиженном виде), а также из Туркмении (по трубопроводу).

«Газпром», в свою очередь, сталкивается с серьезными проблемами в связи с реализацией дорогостоящих проектов по прокладке трубопроводов в Европу — «Северного потока» и в будущем «Южного потока», с ростом закупок европейцами более дешевого сжиженного газа и снижением доли российского голубого топлива на европейском рынке. Китайцы осведомлены об этих затруднениях и не видят оснований, чтобы покупать российский газ дороже, чем туркменский или австралийский²³. В данной ситуации «Газпром», известный своей жесткостью в отношении расценок на свои поставки, судя по всему, предпочитает положить связанные с Китаем проекты под сукно и еще больше сосредоточиться на европейском рынке. Китайской стороне также торопиться некуда.

Помимо ископаемого топлива необходимо упомянуть о том, что «Росатом» — государственная корпорация, ведающая атомной энергетикой, уже давно присматривается к китайскому рынку ядерных энергетических технологий, где его конкурентами выступают американские и европейские компании. Хотя после аварии на японской АЭС «Фукусима» в Китае вновь анализируются вопро-

²³ *Feng Yujun*. International Gas Market and Prospects for Sino-Russian Cooperation // *Contemporary Intern. Relations*. — 2010. — Vol. 20. — № 6. — Nov.—Dec.

сы, связанные с атомной энергией, российские эксперты считают, что заинтересованность китайской стороны в строительстве атом-

ных электростанций не исчезнет ²⁴. В сфере ядерной энергетики Россия обладает технологическим преимуществом над Китаем, однако у последнего есть ряд вариантов в выборе источников этих технологий.

²⁴ Бояркин С., Чегодайкин Д., Щедровицкий П. Менеджмент четвертого поколения // Эксперт. — 2011. — № 13. — 4—10 апр.

Поставки вооружений и их стратегические последствия

Одним из ключевых элементов товарооборота между Россией и Китаем являются поставки российских вооружений. После подавления акций протеста на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. европейские страны ввели эмбарго на торговлю оружием с КНР. В условиях, когда США и Европа, а позднее также Израиль отказались продавать Китаю оружие, Россия стала для Пекина единственным источником такого импорта. С 1992 г. она снабжает Народно-освободительную армию Китая различными системами вооружений. Временами на долю Китая приходилось до 50% российского экспорта военной продукции. В 2001—2008 гг. Россия поставила КНР оружия на 16 млрд долл.²⁵, в том числе боевые самолеты

Су-27 и Су-30, военно-транспортные самолеты Ил-76, самолеты дальнего радиолокационного обнаружения и управления А-50, подводные лодки, крылатые ракеты, комплексы ПВО, например, С-300, и др. По некоторым сообщениям при создании первого прототипа китайского истребителя пятого поколения J-20 использовались технологии, отработанные при реализации проекта МиГ 1.44 — самолета, созданного

²⁵ Черняк И. Калашный ряд: Гендиректор «Рособоронэкспорта» Анатолий Исайкин: Несмотря на кризис, экспорт нашего оружия ставит рекорды // Рос. газ. — 2009. — 10 апр.

²⁶ Grove Th. New Chinese Stealth Jet Starts Talk of Russian Help // Reuters. — 2011. — Aug. 18.

по заказу российского Министерства обороны, но так и не принятого на вооружение²⁶.

Подобный экспорт в соседнюю страну, чья мощь постоянно растет, вызывает озабоченность у тех россиян, которые не доверяют Китаю, и порождает неприятные параллели с советскими поставками Германии накануне нападения нацистов на СССР. Двадцать лет назад Китай, оказавшийся в политической изоляции, представлял собой неодолимо соблазнительный рынок для экспорта оружия и военных технологий. Однако сегодня подобный вклад в усиление военного потенциала КНР вызывает у россиян неоднозначные чувства. С одной стороны, они считают, что вектор военной стратегии Китая направлен на восток и юг, где ему необходима в основном военно-морская и военно-воздушная мощь, а не на север, где могут быть задействованы сухопутные войска. С другой стороны, у них нет уверенности, что эта ситуация не изменится: некоторые шаги Китая в военной сфере беспокоят российских наблюдателей.

В 2006 г. НОАК провела учения в Шэньянском военном округе, в ходе которых была осуществлена переброска войск на 1000 км. Этот сценарий — аналогичный действиям НОАК в случае нападения на Россию — вызвал в Москве опасения, что китайцы планируют наступательную операцию в Сибири. Другие маневры НОАК, состоявшиеся в 2009 г., впечатлили и обеспокоили российских экспертов еще сильнее, поскольку они продемонстрировали способность китайских вооруженных сил вести масштабные боевые действия на суше против России. В сентябре 2009 г. начальник штаба Сухопутных войск генерал-лейтенант Сергей Скоков охарактеризовал потенциального противника страны на востоке следующим образом: «Это может быть многомиллионная армия с традиционными подходами к ведению боевых действий: прямолинейно, с большим сосредоточением живой силы и огневых средств на отдельных направлениях»²⁷. Вооруженные силы США этому определению явно

²⁷ Сайт российского Министерства обороны, 23 сентября 2009 г.

не соответствуют. В 2010 г. Россия, в свою очередь, провела в Дальневосточном регионе крупнейшие за последние двадцать лет военные учения «Восток-2010».

Те, кто в 1990-х годах выступал за поставку вооружений Китаю, сегодня утверждают (и не без оснований), что эти экспортные контракты позволили выжить оказавшейся на голодном пайке российской военной промышленности, что противодействовать поставленным вооружениям на поле боя будет сравнительно нетрудно и, наконец, что если бы Россия отказалась их продавать, это сделало бы какое-нибудь другое постсоветское государство, например, Украина²⁸. Однако эти аргументы лишь подчеркивают очевид-

²⁸ Украина действительно продала Китаю недостроенный советский авианосец «Варяг», чей корпус был использован ВМС НОАК для строительства первого китайского авианосца.

ное: в 1990-х и начале 2000-х годов Россия обеспечила Китаю критически важный доступ к современным военным технологиям. Этот факт имеет далеко идущие стратегические последствия для всей Восточной Азии и Тихоокеанского региона.

В последнее время Пекин перешел от закупки готового военного оборудования к его совместному производству или изготовлению на собственных предприятиях. В результате доля Китая в российском экспорте вооружений сократилась с 18% в 2008 г. до 10% (примерно 800 млн долл.) в 2010-м. С 2007 г. крупных закупок российского оружия Китай не производил. Кроме того, российская сторона порой отказывается выполнять прось-

²⁹ Page J. China Clones Russian Fighters // Wall Street J. — 2010. — Dec. 6.

бы китайцев о передаче передовых военных технологий, поскольку те клонируют российские системы и затем сами продают их на мировом рынке вооружений²⁹.

Заключение

Российские лидеры и их советники воспринимают Китай как новую мировую державу, без которой не может быть решена ни одна серьезная экономическая или финансовая проблема глобального масштаба. Для Москвы Китай имеет большее совокупное значение, чем любое другое государство за исключением Соединенных Штатов. Две страны особенно нуждаются друг в друге в таких сферах, как энергетика и вопросы международного устройства.

В начале второго десятилетия XXI в. внешняя политика России все больше сосредотачивается на привлечении внешних ресурсов для внутренней технологической модернизации страны. По мнению Москвы, основная часть этих ресурсов имеется у США и ведущих государств Западной Европы, а остальное могут обеспечить другие развивающиеся страны. Китай не считается в России одним из важнейших модернизационных партнеров: его собственная модернизация еще далека от завершения.

Почти два десятилетия Москва старалась способствовать возникновению многополярного миропорядка. В этом деле Пекин был ее естественным партнером. Сегодня многополярный мир стал свершившимся фактом — в основном в результате изменившегося соотношения сил в экономике, а не каких-либо геополитических маневров. Это признают практически все, в том числе администрация Обамы и ее оппоненты-республиканцы в Вашингтоне. В то же время Обаме и Медведеву, судя по всему, удалось успешно «перезагрузить» российско-американские отношения. Символами этого стали новый Договор по СНВ и вступление России в ВТО, хотя перспективы дальнейшего улучшения этих отношений очень

во многом зависят от решения вопроса о ПРО, который может диаметрально изменить ситуацию как в позитивном, так и в негативном направлении.

В этой новой ситуации Китай из союзника России превратился в один из полюсов нового международного устройства. Интересы двух стран частично совпадают, частично близки, а частично расходятся. Для Москвы приоритетная задача в отношениях с КНР — обеспечение мира и добрососедства. Российская сторона не пожалеет для этого усилий, хотя она и обеспокоена ростом военной мощи Китая. Вооруженные силы России проводят совместные учения с НОАК — но одновременно усиливают и собственную группировку, подчиненную стратегическому командованию «Восток».

В экономической сфере Китай является крупнейшим коммерческим партнером России. Близость Дальнего Востока к КНР, доступ к ее товарам и рынку представляют собой несомненное преимущество. Однако россияне осознают опасность чрезмерной зависимости от Китая, навеки закрепляющей за страной ее нынешнюю роль поставщика сырья.

Хотя значение Китая для России увеличивается, внешняя политика Москвы в целом по-прежнему определяется в основном отношениями с США и Европой. Российско-китайское партнерство не равносильно альянсу, торговые связи не ведут к полномасштабной экономической интеграции, а в контактах между людьми незримо присутствует цивилизационный барьер.

Российское руководство понимает, что самый серьезный геополитический вызов для страны в XXI в. связан с Востоком. Без Сибири и тихоокеанского побережья Россия в том виде, в котором мир знает ее последние 350 лет, перестанет существовать: она «сжестится» до размеров Московского государства и будет напоминать «вторую Украину». Россиянам необходимо найти способ обеспечить развитие восточных регионов и их более глубокую интеграцию с остальной частью страны. Тогда эти территории, в свою очередь, помогут всей России интегрироваться с динамичным Азиатско-

Тихоокеанским регионом. В противном случае формального перехода этих областей к Китаю, возможно, и не произойдет, но они все больше будут дрейфовать в его сторону. Тогда Хабаровск — пограничный город на Амуре — в XXI в. может превратиться в аналог Харбина, основанного в конце XIX в. российскими купцами и железнодорожниками в сердце китайской Маньчжурии: форпост в соседней стране, центр расширяющейся зоны влияния.

В качестве центра влияния, обладающего большой силой притяжения, Китай искривляет геополитическое и экономическое пространство вокруг России. Ближайшие к нему российские территории могут утратить устойчивость и превратиться в сырьевые придатки Китая. Нынешние усилия России по развитию этих регионов предпринимаются спустя рукава — и чрезвычайно затрудняются всепроникающей коррупцией. Чтобы обеспечить подлинную модернизацию и интеграцию страны, необходимо сначала декриминализовать политическую жизнь России: это позволит бизнесменам активизировать деятельность и создаст привлекательную атмосферу для отечественных и зарубежных инвесторов.

В рамках творческой внешней политики Россия должна видеться не как евразийская, а как евро-тихоокеанская страна. Эта новая формула указывает как на несомненные восточноевропейские корни России, так и на ее «передовой рубеж» в XXI в. — протяженное тихоокеанское побережье. Вместо противопоставления страны Западу, на котором российское евразийство делает акцент с момента возникновения в 1920-х годах, эта формула ориентирована на интеграционные и модернизационные партнерства, призванные способствовать ее развитию. В новом видении места и роли России в мире Китая будет отведено важное место, но не преобладающая роль, поскольку в стратегическом плане он будет располагаться в пределах гигантского региона, включающего Тихоокеанскую Россию и Сибирь, остальную Северо-Восточную Азию и Северную Америку. В рамках этого региона Россия граничит не только с Китаем, но также с Японией, Кореей, США и Ка-

надой. Так выглядит новый передовой рубеж российской стратегии и дипломатии. И главный вопрос заключается в том, способна ли российская правящая бюрократия разработать и сформулировать связную долгосрочную стратегию отношений с Китаем, а затем последовательно воплощать ее в жизнь.

Хотя руководство России пока устраивает сосредоточенность Пекина в первую очередь на проблемах внутреннего развития и политической стабильности, оно осознает, что возвышение страны такого размера, как Китай, пусть даже абсолютно мирное, по определению чревато мощными потрясениями на международной арене. Анализируя приоритеты Китая в сфере безопасности, Москва видит, что первое место среди них занимает Тайвань, а внутриполитическими болевыми точками остаются Тибет и Синьцзян. По всем этим трем важнейшим пунктам Россия давно уже солидаризировалась с позицией Пекина.

В то же время Москва скорее всего будет придерживаться нейтралитета по ряду территориальных проблем на восточной и южной периферии КНР — от спора об архипелаге Дяоюйтай/Сенкаку до вопроса о Южно-Китайском море. Российская сторона не может игнорировать тот факт, что ряд стран (в том числе Япония и Индия) проявляют все большую озабоченность в связи с признаками готовности Китая решительнее отстаивать свои притязания. Хотя НОАК не участвовала в серьезных боевых действиях со времен катастрофически неудачной войны против Вьетнама в 1979 г., многие россияне расценивают модернизацию китайских вооруженных сил как прелюдию к более напористым действиям в отношении соседей, с которыми у Пекина имеются территориальные разногласия.

В вопросе о северокорейской ядерной программе Москва, вероятно, будет стремиться к постепенному отходу от автоматической поддержки линии Пекина и выработке самостоятельной позиции с большим акцентом на Южной Корее. Россия рассматривает Сеул не только как модернизационного партнера, но и как будущего

лидера объединенной Кореи, а значит, одного из ключевых региональных противовесов в Северо-Восточной Азии. В то же время Москва держит открытыми и каналы связи с Пхеньяном. Северокорейские рабочие вместе с южнокорейскими инвесторами и инженерами — предпочтительная альтернатива китайским гастарбайтерам на российском Дальнем Востоке.

Американское присутствие в Корее беспокоит Москву куда меньше, чем Пекин. Глядя на западную часть Тихого океана, россияне видят нарастание военно-морского соперничества между США, отстаивающими статус-кво, и Китаем, стремящимся его изменить. В целом у России вызывает облегчение тот факт, что это соперничество ослабляет шансы на сговор между Китаем и Америкой и дает Москве больший простор для маневра в отношениях как с Вашингтоном, так и с Пекином.

В то же время московские специалисты по стратегическому планированию осознают: если в Китае возобладаст ультра национализм, это негативно отразится и на его отношениях с Россией. Чтобы подготовиться к такому варианту развития событий, Россия углубляет связи с соседями КНР. Российско-индийские отношения имеют долгую историю и важны для Москвы сами по себе, но Россия понимает и ценность тесного партнерства со второй сверхдержавой Азии в плане создания противовеса Китаю.

Кроме того, Москва продолжит расширение экономических связей с союзниками бывшего СССР, например, Вьетнамом и Монголией, которых связывают с Пекином не только близкие, но и непростые отношения. Что же касается Центральной Азии, то Россия независимо от ШОС стремится усилить экономическую интеграцию с Казахстаном и укрепляет Организацию Договора о коллективной безопасности (куда входят четыре центральноазиатских государства и Россия, но Китай в ней не участвует).

В этой политике, однако, отсутствует одно звено — Япония. России имеет смысл превратить отношения с этой страной в азиатский вариант своих отношений с Германией. Однако развитию

многообещающих связей препятствует территориальный спор из-за Южных Курил и общее недоверие японского народа к России. Сегодня Москва в меньшей степени, чем когда-либо за весь период с 1991 г., готова удовлетворить территориальные требования Японии, а Токио, в свою очередь, не желает идти в этом вопросе на компромисс. Растущая озабоченность Японии в связи с усилением Китая побуждает ее к более тесному сближению с Вашингтоном, но о существенном пересмотре позиции Токио в отношении Москвы пока речи нет. Японцы надеются, что Россия рано или поздно осознает опасности, связанные с возвышением Китая, и изменит собственный подход — но в настоящее время признаков такого изменения они не видят. В частности, на российско-японских отношениях негативно отразилась совместная декларация Москвы и Пекина в связи с 65-летием окончания Второй мировой войны.

Роль Соединенных Штатов в российско-китайских отношениях особенно сложна. Лидеры России признают тот факт, что тандем Пекина и Вашингтона сегодня по значению не имеет себе равных среди двусторонних отношений между государствами мира. Антиамериканские элементы в российской элите, особенно сильные в кругах, связанных с национальной безопасностью, надеются, что Китай способен обуздать влияние США и отвлечь их внимание на себя. Более разумные представители правящей группы, конечно, тоже не прочь извлечь выгоду из американо-китайского соперничества, но стре-

мятся избежать вовлечения России в любую конфронтацию между КНР и США. Более того, кое-кто в силовых структурах считает, что в долгосрочном плане от Китая исходит большая угроза для России, чем от Соеди-

ненных Штатов. Следовательно, они видят в Америке потенциального союзника в случае, если Китай обратится против России.

Из-за отсутствия единства мнений в российских правящих кругах у страны, как отмечает один из ведущих московских специалистов по внешней политике³⁰, отсутствует серьезная стратегия

³⁰ См.: *Спаский Н.* Российский век // *Индекс безопасности*. — 2010. — № 4 (95).

как в отношении Китая, так и в отношении США. Это симптом общего недуга, от которого страдает российское государство: оно не в состоянии разработать связную внешнеполитическую концепцию в целом. Пока правящие элиты будут больше волновать власть и деньги, чем государственная политика, неуклонное ослабление позиций России по отношению к Китаю и США продолжится.

Summary

This report compares Russian and Chinese security perceptions and explains how they shape the two countries' policies toward each other. It argues that the modern relationship between the two countries, formed in the late 19th and 20th centuries, was turned on its head at the start of the 21st century. China has now become a powerful factor affecting a whole range of Russian policies, both domestic and foreign. The paper also argues that, while Russia is not central to China's foreign relations, and non-existent in China's domestic politics, good relations with Moscow are an important supporting element in Beijing's overall strategy of reclaiming China's 'rightful place in the world'. It concludes that while both countries need each other and would benefit from a stable political relationship and close economic ties, both Moscow and Beijing lack the long-term strategies to create such a bond.

As great power relationships go, the reversal of China's and Russia's fortunes at the close of the 20th century could not have been more dramatic. For the first time in their history, Russians have to deal with a China which is more powerful and more dynamic than their own country. To contemporary Russia, China holds out a number of opportunities, economic as well as political, as a market for Russian raw materials, a locomotive of economic development in the Russian far east and a fellow non-Western partner on the world stage. At the same time, however, China presents Russia with major challenges, particularly in Siberia, to which Russia has yet to respond. So far, Moscow has been able to sustain a tolerable *modus vivendi* in relations with Beijing, but the future beyond a ten or 15 year horizon is less clear. Russia will only be able to develop a long-term view of its relationship with China when Russian

elites start to think more strategically about their country, and what its global role should be.

To the Chinese, by contrast, Russia's decline from being a Soviet-era superpower to its present status as a second or third-tier power is but one of a number of great changes in the emerging international system. In overall GDP, China has overtaken Japan to become the world's second largest economy. In terms of the foreign trade volume, it has replaced Germany as the world's top exporter. The UK's handover of Hong Kong to China in 1997, and Portugal's withdrawal from Macau in 1999, symbolised the end of a century and a half of humiliating Western occupation of parts of China's territory. During the eurozone crisis in 2011, China was even being touted as a possible financial saviour of the European Union. As for Russia, Beijing has learned to use its former mentor-turned-enemy-turned-partner as a source of raw materials, especially energy. It has also been able to rely on Russia as a strategic cushion, to strengthen its hand in opposing Western-led liberal interventionism. Beyond this, however, the Chinese do not seem to have a strategy for dealing with Russia.

The paper begins with a parallel description of Moscow's and Beijing's 'strategic universes' — their respective security outlooks — and the place of the other country therein. With reference to Russia, it stresses that China's rise has made Moscow's view of the world far less Western-centric. With reference to China, it explains how and why the Russia relationship stands out among links with the major world powers, and what value it holds for Beijing.

The paper then assesses the two countries' principal interests in key areas: global governance; regional issues; trade and investment, with a particular attention to energy; and arms transfers and their strategic implications. Despite the growing inequality of the relationship, the paper seeks to go beyond an assessment of the balance of power by analysing each party's interests and motives. The paper ends with reflections on the future of Sino-Russian relations, in bilateral, regional and global contexts.

О Центре европейских реформ

Центр европейских реформ — экспертно-аналитическая организация, цель которой — совершенствование деятельности Европейского союза и укрепление его роли в мире. Центр имеет проевропейскую ориентацию, но это не предполагает отсутствие критического восприятия. Он рассматривает европейскую интеграцию как по большей части благоприятный процесс, признавая, однако, что во многих отношениях деятельность Евросоюза не осуществляется должным образом. Также представляется, что Евросоюзу следовало бы брать на себя больше ответственности за происходящие в мире события — от противодействия изменению климата до обеспечения безопасности. Центр европейских реформ стремится содействовать тому, чтобы Европейский союз был открытым, инициативным и эффективным.

О Фонде Карнеги

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. известным предпринимателем и общественным деятелем Эндрю Карнеги для проведения независимых исследований в области международных отношений. Фонд не занимается предоставлением грантов (стипендий) или иных видов финансирования. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты мирового уровня, которые используют свой богатый опыт в различных областях, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах и научно-исследовательских институтах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства, не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, и его сотрудники имеют самые различные позиции и взгляды.

Решение создать Московский Центр Карнеги было принято весной 1992 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». С 1994 г. в рамках программы по

России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкий спектр общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют публикации и циклы семинаров по внутренней и внешней политике России, по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, безопасности, гражданского общества, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

**CARNEGIE ENDOWMENT
FOR INTERNATIONAL PEACE**

1779 Massachusetts Ave., NW, Washington, DC 20036, USA

Tel.: +1 (202) 483-7600; Fax: +1 (202) 483-1840

E-mail: info@CarnegieEndowment.org

<http://www.CarnegieEndowment.org>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Россия, 125009, Москва, Тверская ул., 16/2

Тел.: +7 (495) 935-8904; Факс: +7 (495) 935-8906

E-mail: info@carnegie.ru

<http://www.carnegie.ru>

Дмитрий Тренин

**Верные друзья?
Как Россия и Китай
воспринимают друг друга**

Редактор А. Иоффе

Дизайнер русскоязычной версии Я. Красновский

Компьютерная верстка И. Королев

Подписано к печати 15.02.2012

Формат 60х90 1/16.

Гарнитура GaramondPremierPro

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 4,75

Тираж 1000 экз.

Издательство ООО «Пресс Клуб Сервис»

127322, Москва, ул. Милашенкова, д. 10, оф. 96

classick21@gmail.com

Отпечатано в типографии «August Borg»

105264, Москва, ул. Верхняя Первомайская, д. 47, корп. 11

CENTRE FOR EUROPEAN REFORM

ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ?

Как Россия и Китай воспринимают друг друга

Дмитрий Тренин

За последние двадцать лет Россия утратила статус сверхдержавы, а Китай по объему ВВП вышел на второе место в мире. Как эта драматическая смена ролей повлияла на восприятие друг друга обеими странами? Дмитрий Тренин считает: хотя в своих усилиях по модернизации экономики Россия по-прежнему полагается на западные технологии, она расценивает Пекин как все более полезного партнера в деле обуздания американского влияния. Возвышение Китая, надеются в Москве, даст России вздохнуть свободнее. Что же касается Пекина, то для него ослабление России — лишь одно из многих изменений, сопровождавших быстрый взлет Китая. Основное внимание Китай уделяет Соединенным Штатам, но и Россия важна для Пекина как в контексте его усилий по созданию противовеса могуществу США, так и в качестве источника энергопоставок. Однако, несмотря на частичное совпадение интересов, Россию и Китай нельзя назвать союзниками. Москва не согласится на статус младшего партнера в отношениях с Пекином, а в Китае Россию рассматривают как угасающую державу.

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР